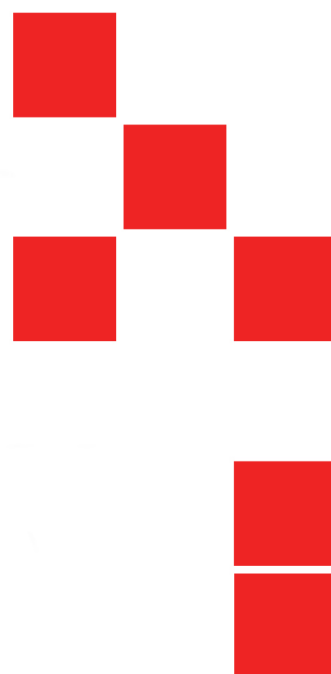

ISSN 2309-1584

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

№2 (16), 2017

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

научный журнал

№2 (16), 2017

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:

Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:

С. С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

Редакционная коллегия:

В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)

А. А. Галлямов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)

С. М. Шаулов, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

дизайн — Д. Муслимов

Адрес журнала в Интернете:

<http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php>

Адрес редакции:

450000 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. к. 420

e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 30.06.2017. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2017

© Редакция журнала, 2017

Назирковский архив
2017 № 2 (16)

Содержание

От редакции	7
Публикации	10
Предисловие к публикации <i>Б. В. Орехов</i>	10
История религиозной мысли. Часть III. Возрождение и Реформация (XVI–XVII вв.) <i>Р. Г. Назиров</i>	11
Родословная работа, или История о соперничестве фантазии с техникой <i>Р. Г. Назиров</i>	72
Биографический отдел	77
«Седой профессор говорил о Чехове...» <i>Л. А. Каракуц-Бородина</i>	77
Исследования	84
Почему мы пока не можем компьютерно распознать рукописный архив Р. Г. Назирова? <i>А. А. Кондратьева</i>	84
Мнение	99

Назирова-писатель: внесистемный профессионал или рефлексирующий дилетант?	99
<i>Б. В. Орехов</i>	
Библиография	105
Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова	105
Правила для авторов	106

От редакции

С текущего, 16-го, если использовать сквозную нумерацию, выпуска журнал «Назиревский архив» переходит на новый дизайн. Старый, немного более наивный, внешний вид был с нами все 4 года, с самого основания издания.

В ознаменование четырёхлетнего рубежа мы вводим новую рубрику «Мнение», которая удобна для размещения материалов, которых всё больше в распоряжении редакции, но которые не вписываются ни в документальный «Биографический отдел», ни в научные «Исследования». Прежде всего, это отклики — не всегда строго академичные — на факты наследия Назирова, которые нам представляется важным представить читателю.

Публикации

В 1848 в Вене первую революционную речь произнёс еврей Фишхоф. В Берлине 1848 король уверял, что всё это евреи бунтуют; действительно, среди убитых берлинцев было немало евреев.

Ариэль — в ср. века добрый дух моря, защитник невинных.

Из мифических персонажей сказок особенно популярны Волшебник и Вершитель Правосудия (граф Монте-Кристо)

Для писателя акт писания — это акт самосвобождения, самопознания и единственно возможной индивидуации, а именно такой, к-рая есть удачная идентификация

Гладстон: „Нельзя сражаться против будущего.“

Публикации

Предисловие

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В этом номере мы публикуем продолжение большой обзорно-компилятивной работы Р. Г. Назирова «История религиозной мысли». Предыдущие части публиковались в нашем журнале в течение 2015 года.

Обширный текст, охватывает колоссальные временные промежутки и служит, по сути, полотном, на котором описывается история идей, циркулировавших в обществе и среди ключевых мыслителей соответствующих эпох. Собственно религиозная составляющая хотя и заявлена как главная, на деле присутствует в описываемом фоновом, настолько, насколько, по убеждению Р. Г. Назирова, религия является формообразующим началом культуры. То есть история культуры первична, а религия выступает как её необходимая составляющая.

Очень любопытен метод отбора материала, используемый здесь Р. Г. Назировым. С одной стороны, учёный перечисляет основные идеи, касающиеся научных, философских и художественных прорывов, которые произошли благодаря тому или иному мыслителю. С другой стороны, от традиционного изложения, принятого в учебниках, повествование у Р. Г. Назирова отличают разного рода занимательные истории из жизни этих мыслителей, ставшие неотъемлемой частью их образа и усиливающие читательское впечатление.

Текст находится в архиве АРГН оп. 4, д. 3.

Ещё один представляемый в текущем номере текст — машинопись статьи, продолжающей исследования Назирова, вскрывающие истоки и эволюцию мифологических сюжетов «Родословная работа», перекликающейся с «Происхождением Золушки и её потомства» (опубликована в «Назировском архиве» 2015 № 4). Текст, к сожалению, не завершён.

История религиозной мысли. Часть III. Возрождение и Реформация (XVI–XVII вв.)¹

Р. Г. Назиров

Ренессанс (без слюней восторга и без вранья)

«Вопросы литературы», 1971, № 9 (стр. 112–133).

Л. Баткин. Ренессансный миф о человеке.

Культура итальянского Ренессанса зиждилась на ожидании и возможности чуда — человеческого чуда, не дарованного, а добытого, и всё-таки чуда. В ней часто видят отрезвлённость опыта, недоверие ко всему туманному, наблюдательную насмешливость, практическую хватку и говорят, что она стояла обеими ногами на земле. Словом, в ней видят чуть ли не Санчо Пансу. А она принимала мельницы за великанов. Она была в опьянении, в ожидании, в тревоге, в экстазе — эта эпоха. Что не мешало её людям быть людьми дела. Станным образом между цепкостью и жизнеспособностью купцов, политиков, кондотьеров, мореплавателей и утонченными фантазиями поэтов, философов, художников не было разрыва. Ренессанс, подобно Атланту, действительно крепко стоит на земле, но подпирает небо. Говоря словами Марсилио Фичино, *et omnia connectit in uno* («и всё связует в одно»).

Секуляризация сознания не отменила спиритуализма, а дала ему совершенно новое направление, в котором заключено коренное различие итальянского Возрождения не только от Средневековья, но и от культуры Нового времени, а так же от синхронной переходной культуры других стран.

Он стал лорд-канцлером в 1618 году (в год начала Тридцатилетней войны) и пользовался большим влиянием. Власть испортила его характер. Так утверждают английские историки. Они говорят, что политическая карьера погубила в учёном человека, что Бэкон, избалованный успехом, вступил на путь взяточничества. Тут далеко не всё ясно. У Бэкона было много идейных противников и политических врагов; ясно одно, что взятки не были подлинной причиной настигшей его немилости. Король Иаков I отвернулся от него по каким-то иным причинам.

В 1620 или 1621 году (не знаю) лорд-канцлер Бэкон Веруламский был уличён в 22-х случаях взяточничества и объявлен неправомерным занимать не только этот высокий пост, но и место в парламенте. Будучи в чрезвычайно опасном положении, и, возможно, не желая раздражать более сильных врагов, Бэкон не отрицал своей виновности и только смиренно

¹ Публикация выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 16-14-02008.

просил быть снисходительнее к нему, как к «лишней спице в колесе». Бэкон был лишён сана и удалён от двора; прежние друзья отвернулись от павшего вельможи.

Одиноким и опозоренным, Бэкон стал относиться к людям недоверчиво, с презрением и злобой. Впрочем, и до своего падения он отличался замкнутостью и высокомерием.

По отзывам современников, этот человек огромного ума и необыкновенных дарований подчас бывал рабом жалких страстей. Рассказывали, будто он питал зависть к выдающимся учёным эпохи. Некоторым из них он выказывал высокомерие и пренебрежение; он всячески умалял заслуги великого Коперника и даже не счёл нужным ознакомиться с работами Гарвея, открывшего систему кровообращения. Бэкон неоднократно с явным презрением отзывался о нём. Вот почему Гарвей однажды со злой иронией заметил, что в лице Бэкона перед ним вовсе не «великий мыслитель», а только лорд-канцлер.

Однако в тяжкие годы позора, лишений и одиночества единственным утешением Бэкона всё-таки была наука: ей он оставался верен до конца и горячо любил её. С увлечением производил он всевозможные физические опыты и посвятил весь остаток своей жизни научным исследованиям. Не щадя своих сил и здоровья, он работал над одним из своих многочисленных опытов до самых последних дней; смерть настигла его во время работы.

Он умер в бедности, преследуемый заимодавцами.

Ничтожные людишки, забросавшие его грязью в час катастрофы, назидательно поднимая палец, говорили о его триумфальном восхождении и позорном падении в самом расцвете политической карьеры: вот кара небесная за грехи и гордыню!

Однако уже вскоре слава Бэкона гремела по всей Европе, а его философия торжествовала новые и неслыханные триумфы.

Философия Бэкона

Бэкон — «родоначальник английского материализма и всей современной экспериментирующей науки» (Маркс и Энгельс, Соч., изд 2-ое, т.2, стр. 142). Он сыграл исключительную роль в развитии и распространении материалистических идей в Европе нового времени.

Изложению своих взглядов на природу в связи с древнегреческими мифами Бэкон посвятил незавершённый трактат «о принципах и началах».

Наибольшее значение имеют работы Бэкона «Новый органон», в котором излагается индуктивный метод познания природы, 1620 год, и «О достоинстве и приращении наук» (1623); в этом труде предпринята попытка классифицировать всё изучаемое наукой и наметить пути её развития.

Органон (греч. «орудие», «инструмент», а также средство познания, исследования) — общее название, данное последователями Аристотеля его логическим трактатам: «Категории», «Топика», «О софистических опровержениях», «Об истолковании», «Аналитики» (первая и вторая). Впервые название «Органон» появляется в биографии Аристотеля, написанной Диогеном Лаэртским (III век н.э.). Полностью все логические работы Аристотеля

стали известны только в XII веке, когда были открыты «Толика» и «О софистических рассуждениях». Называя свой главный труд «Новым Органоном», Бэкон уже этим противопоставил свою книгу в качестве нового орудия науки логическим трудам Аристотеля, этого основоположника формальной логики. В «Новом Органоне» разработана исключающая (элиминативная) индукция Бэкона. Он подверг критике средневековые схоластическую логику, назвав её пустым занятием. Поскольку перед наукой стоит задача открывать и изобретать новое, постольку (согласно Бэкону) логика должна стать логикой изобретений, открытий. Аристотелевская логика не выполняла этой задачи. Поэтому Бэкон создаёт «Organum Novum», который должен был заменить аристотелевский «Органон». («Novum Organum Scientiarum», на лат. языке).

Гносеология. В условиях засилья церкви и схоластики (последняя, по определению Бэкона, «бесплодна, как посвятившая себя богу монахиня»), он развил идею двойственной истины, в то время прогрессивную, т.к. она была направлена против богословия. Бэкон не отвергал религии, но выдвинул положение: у науки есть свой предмет изучения — природа, и религия не должна вмешиваться в природу научного познания.

Онтология. По Бэкону, в основе реального мира, который управляется внутренне присущими ему законами, а не Богом, лежит вечная и бесконечная материя, обладающая различными качествами и формами движения; материи присуще напряжение, постоянная активность, она — источник всего прекрасного в мире. У Бэкона, по словам Карла Маркса, материя «улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человечеству» (Маркс и Энгельс, Соч., изд 2-ое, т.2, стр.143).

Провозгласив целью знания способность науки увеличивать власть человека над природой, Бэкон обосновал мысль, что достижение этой цели возможно только для науки, постигающей истинные причины явлений. Поэтому он и выступал против схоластики. Предшествующая наука страдала либо «догматизмом», поскольку учёный выводил систему положений, как паук ткёт свою паутину, из собственных понятий, либо «эмпиризмом», поскольку учёный стремился лишь к собиранию неосмысленных фактов. Таким образом, по отношению ко всему предшествующему знанию Бэкон требовал занять скептическую позицию. Однако он признаёт возможность достоверного знания, но для достижения истины считает необходимым реформу метода. Первым шагом этой реформы должно быть очищение ума от постоянно грозящих ему заблуждений — «идолов».

Бэкон об «идолах»

Как уже сказано, Бэкон в своих трудах критикует прежде всего силлогистику Аристотеля. Положительной стороной этой критики было указание на то, что средневековые схоласты всё внимание обращали на формальную правильность силлогизмов и оставляли в стороне главное — проверку связи силлогизма и его выводов с жизнью. Но в целом критика Бэконом аристотелевской силлогистики была поверхностной. Кроме того, надо иметь в виду, что Бэкон ополчился против схоластизированной силлогистики.

Но Бэкон подвергает сомнению не только силлогистику, а и все научные концепции. Если Аристотель боролся против софизмов, то Бэкон начал борьбу с «идолами» — т.е. призраками, предрассудками, которые мешают правильному познанию мира, искажают действительность.

Таких «идолов» Бэкон насчитал четыре разновидности: идолы рода, пещеры, рынка и театра.

Идолы рода, свойственные всем людям, искажают отражения вещей в сознании, т.к. человек к природе вещей прибавляет частицу своей природы. Эти заблуждения порождаются склонностями ума, присущими всему человеческому роду.

Идолы пещеры привносят в отражения вещей индивидуальные особенности каждого человека, т.е. порождаются склонностями ума, присущими отдельным группам ученых и даже отдельным лицам.

Идолы рынка — это результаты ошибочного использования слов; заблуждение коренится в несовершенстве и неточности языка.

Идолы театра — это ложные учения, которые сбивают человека с верного пути, подобно помпезным театральным зрелищам. Иными словами, это некритическое усвоение чужих мнений.

Чтобы избавиться от пагубного воздействия идолов, надо обратиться к опыту. Так Бэкон открывает новую эру. Карл Маркс в «Святом семействе» пишет: «Естествознание является в его глазах истинной наукой, а физика, опирающаяся на чувственный опыт, — важнейшей частью естествознания. Анаксагор с его гомеомериями и Демокрит с его атомами часто приводятся им как авторитеты. Согласно его учению, чувства непогрешимы и составляют источник всякого знания. Наука есть опытная наука и состоит в применении рационального метода к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперименты суть главные условия рационального метода.» (Там же, стр.142).

Рациональный метод Бэкона

Мало ниспровергнуть идолов. Это только начало. После устранения ложных воззрений возможен переход к истинному методу новой науки. Надо дать разуму человека орудия вспомоществования, научить человека методам познания, которые ведут к истине.

Таким методом и является индукция (наведение), которая учит тому, как постепенно от единичных фактов восходить к общим положениям. Индукция должна опираться на наблюдение и эксперимент (experimentum = проверка, испытание, проба, опыт). Новая наука должна быть рациональной переработкой фактов опыта. Посылками ее выводов («средними аксиомами», как выражается Бэкон) будут положения, основанные на понятиях, добытых посредством методического обобщения — т.е. индукции. Предпосылку индукции образует аналитическое понимание эксперимента.

С помощью такой индукции Бэкон думал отыскивать субстанциальные формы вещей — т.е. последнюю причину свойств вещей.

Если Аристотель знал один вид индукции — индукцию через простое перечисление, то Бэкон предложил индукцию через исключение (elimination), процессе которой освобождаются от указаний на свойства, которые не могут быть причиной исследуемых фактов (ибо эти факты есть, но этих свойств нет). Для того чтобы достигнуть этого, Бэкон предложил составлять возможно более полные таблицы фактов и при этом особо отбирать отрицательные примеры.

Но первые же опыты показали, что такая индукция является, *primo*, непомерно длинным путем к истине, и *secundo*, не всегда достигающим достоверных результатов. Убедившись в этом, Бэкон внёс некоторое усовершенствование в индуктивный метод, направленное на то, чтобы укоротить путь к истине. Он рекомендовал искать такие факты («прерогативные инстанции»), в которых исследуемое явление выступает в наиболее ясном и чистом виде. Таких, «прерогативных инстанций», позволяющих быстро отсеять случайное от существенного, сам Бэкон назвал около тридцати.

Идея Бэкона о «прерогативных инстанциях» не была осуществлена им на практике, но сыграла положительную роль, т.к. подготовила почву для разработки английским логиком Джоном Стюартом Миллем (1806 – 1873) методов исследования причинных связей.

В своей теории индукции Бэкон впервые указал на значение так называемых «отрицательных» инстанций, т.е. Подбора случаев, противоречащих обобщению и тем самым требующих его пересмотра, как недостаточно обоснованного.

Общим недостатком логического учения Бэкона было то, что он преувеличил роль индукции в познании за счет дедукции (выведения), разорвав таким образом эти две неразрывно связанные стороны мыслительного процесса. Односторонне развитое понимание эксперимента привело, по словам Энгельса, к тому, что Бэкон (а за ним и Локк) перенес метафизический метод мышления, сложившийся в науке XV- XVI веков, из естествознания в философию.

Материализм Бэкона был метафизическим, во многом еще включал богословские представления.

Бэкон о человеке

Согласно философии Бэкона, человек живет в этом, действительном мире и ни в каком другом. Тем самым отвергалась религиозная концепция назначения человека.

«Знание есть сила, а сила есть знание», сказал Бэкон.

Человек- «министр и выразитель» природы. Он не только созерцает и объясняет ее красоту, но и ищет ее законы, практически заставляет природу служить ему. Эта философия активности и освобождения путем познания. Она соответствовала интересам назревшей буржуазной революции в Англии, в период которой учение Бэкона нашло свое дальнейшее развитие у Гоббса, Локка и других. Бэкон, Веруламский барон, виконт Сент-Олбан, — предтеча философии Революции.

Природа у Бэкона

В развитии философского материализма Бэкон, во-первых, восстановил материалистическую традицию и произвел (под этим углом зрения) переоценку философских учений прошлого: возвысил ранний греческий материализм и вскрыл заблуждения идеализма.

Во-вторых, Бэкон выработал материалистическое понимание природы, положив в основу взгляд на материю как на совокупность частиц, а на природу — как на совокупность тел, наделенных многообразными качествами. Неотъемлемым свойством материи является движение, которое у Бэкона не ограничивается механическим перемещением: он насчитывал 19 видов движения.

В учении Бэкона материализм был еще отягощен наивными суевериями, восходящими к магии и алхимии. Карл Маркс: «У Бэкона, как первого своего творца, материализм таит еще в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития. . . Само же учение, изложенное в форме афоризмов, еще кишит, напротив, теологическими непоследовательностями.» (Opus citatum, стр. 142–143).

Уже Спиноза отметил, что Бэкон не доказывает своих мнений, а только описывает их. Это верно, но зато как живо и красочно он их описывает! Его афоризмы великолепны. В своих «Essays» Бэкон говорит:

«Men fear death as children fear to go in the dark».

«Revenge is a kind of wild justice».

«God Almighty first planted a garden» (имеется в виду земной рай, Эдем).

Это всё из его книги «Опыты и наставления» («The Essays or Counsels, civil and moral», 1597–1625), которая представляла собой серию очерков, проникнутых гуманистическими тенденциями. В этих очерках («О зодчестве», «О садах», «О красоте») Бэкон выступал против подчинения искусства «правилам», считая главной его целью изображение живой природы.

Вот его знаменитое положение (1625 г.): «Наилучшей стороной красоты является то, чего не может передать ни картина, ни первый взгляд на живую особу. Нет красоты столь совершенной, чтобы в ней не было какой-нибудь неправильности пропорций. В производстве искусства человек должен видеть лица, в которых, если приглядываться к каждой части в отдельности, не найти ни одной совершенной, а однако же все вместе взятые дают прекрасное целое.»

Бэкон был не только умён, но и остроумен.

В тех же «Essays» мы находим такой афоризм: ««Whath is truth?» said jesting Pilate and would not stay for answer.»

Когда он нападает на «идеалов рынка», у него вырываются золотые слова: «Человек думает, что ум управляется его словами, но случается, что и слова имеют взаимное возвратное влияние на наш разум» («Novum Organum» I, LIX).

Политические взгляды Бэкона отразились в его незаконченном романе «Новая Атлантида» (на лат. языке, изд. 1627). Это утопия, которая изображает экономически процветающее

идеальное общество. В нём Бэкон сохраняет противоположность господствующих и подчинённых классов. Не помышляя, в отличие от Томаса Мора, о полном переустройстве общества, Бэкон связывает свои надежды с бурным расцветом науки и техники.

В «Новой Атлантиде» жизнь организована на рациональных основах науки и высокой техники. Описывая научную деятельность в «Доме Соломона», Бэкон гениально предугадал многие позднейшие изобретения, включая огромные океанские корабли, поезда, самолёты и торговые автоматы, работающие в гигантских коммерческих зданиях, а также продление жизни, омолаживание в известной степени, изменение телосложения и черт лица, превращение одних тел в другие, создание новых видов, владычество над воздухом и вызывание гроз.

Блестящим образцом прозы Бэкона являются его комментарии к античным мифам под общим названием «Мудрость древних» («The wisdom of the ancients»; вошли в сборник его эссе.)

Революционер в сфере мысли, Фрэнсис Бэкон явился отцом методологии современной науки. «Тщетно ожидать большого прибавления в знаниях от введения и прививки нового к старому. Должно быть совершено обновление до последних основ, если мы не хотим вечно вращаться в круге с самым ничтожным движением вперёд.»

Причиной политической катастрофы Бэкона считают его разногласия с всесильным королевским фаворитом герцогом Бёкингемским (см. биографию последнего в приложении к разделу «Пуритане»).

Творчество величайшего драматурга английского Возрождения — Шекспира — было в XIX веке приписано то одному, то другому из его современников, наиболее образованных английских аристократов. Наряду с гипотезами «Шекспира — Рётлэнда» (Ruthland) или «Шекспира — Эссекса», была и гипотеза о том, что Шекспира написал Фрэнсис Бэкон. Эта идея — отнюдь не самая безумная.

«Instauratio Magna» — титул большого труда Фрэнсиса Бэкона, включавшего трактаты «De dignitate et augmentis scientiarum» и «Novum Organum Scientiae».

В «Новом Органоне» Бэкон писал: «... Мы оставляем за Силлогизмом и тому подобными знаменитыми и прославленными доказательствами права в области обыденных искусств и мнений, (ибо здесь мы ничего не затрагиваем), однако по отношению к природе вещей мы во всём пользуемся наведением как для меньших предложений, так и для больших».

Он утверждал: «Силлогизм не приложим к основам наук, он бесплодно прилагает к средним аксиомам, так как далёк от тонкости совершенства природы.»

Правда, Бэкон допускал дедуктивное умозаключение, если большая посылка взята из опыта. Но в дальнейшем бэконовская логика выразилась в одностороннюю, эмпирическую логику: её представители Уэвель и Джон Ст. Милль отбросили слова Бэкона о том, что философ не должен уподобляться эмпирику-муравью, но и не походить на паука-рационалиста, который из собственного разума ткёт хитрую философскую паутину; философ должен быть подобен пчеле, которая собирает дань в полях и лугах и затем вырабатывает из неё мёд.

В своей естественной истории Бэкон даёт форменные рецепты изготовления золота и со-
вершения разных чудес.

31. Эмпиризм

Эмпиризм (от греч. эмпирия = опыт) — философское направление, считающее чувственный опыт единственным источником знаний. Как и противостоящий ему рационализм, эмпиризм возник в философии нового времени; он связан особенно с англ. традицией. Сильная сторона эмпиризма — ориентация на детальный анализ чувственного познания, на сенсуализм в теории познания. Вместе с тем для всех направлений эмпиризма характерно резкое принижение или даже игнорирование роли рационального познания. Абсолютизация опыта, как показал Энгельс, приводит к фактическому отказу от мышления, ставит познание в такое положение, когда оно не только мыслит ошибочно, но и оказывается не в состоянии верно следовать за фактами или хотя бы только верно излагать их (М. и Энг., Соч., 2 изд., Т.20, с 434).

В развитии эмпиризма существовали математическая и идеалистическая разновидности. Математический эмпиризм характерен особенно для раннего периода: Бэкон, Гоббс, Локк, франц. Материалисты XVIII века, Кондильяк и др. — Эта точка зрения наиболее ярко выражена Бэконом, полагавшим, что одна индукция может обеспечить идеям точность, и франц. Материалистами: «Всё, что недоступно чувствам, недостижимо и для ума» (Гельвеций, «О человеке, позиция Фомы Невера»). Именно ранний эмпиризм сыграл положительную роль в истории философии, способствуя освобождению последней от пут теологии.

Идеалистический Эмпиризм получил особенно широкое распространение с середины XIX века, когда он выступил в качестве гносеологической основы позитивизма и родственных ему направлений (мазеизма, прагматизма, логич. позитивизма и проч.), сводящих процесс познания к чисто эмпирическим описаниям фактов и их систематизации. Эта линия развития эмпиризма, идущая от Юма, в конечном счёте приходит к агностицизму, а отрицание его теоретического мышления — к отказу от философии.

Основная противоположность между эмпиризмом и рационализмом состоит не в вопросе о происхождении или об источнике знания: некоторые рационалисты согласны с тем, что в уме нет ничего, что раньше не было бы в ощущениях (*nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu*; основной принцип сенсуализма, сформулированный Локком).

Главный пункт разногласия в том, что эмпиризм выводит всеобщий и необходимый характер знания не из самого ума, а из опыта. Некоторые эмпирики (напр. Гоббс, Юм) под влиянием рационализма пришли к выводу, что опыт не способен сообщать знанию необходимое и всеобщее значение.

32. Пуритане

Пресвитерианская церковь в Шотландии была основана учеником Кальвина Ноксом (John Knox, 1505–1572) в середине 16 века. Несколько позже возникла первая пресвитерианская церковь (община) в Англии. Пресвитериане отвергали епископальную власть, требовали отмены епископского сана, конфискации церковных земель в Англии, отделения церкви от государства и удешевления культа. Их религиозная иерархия завершалась священниками (пресвитерами).

Все английские кальвинисты получили прозвище puritans (от лат. purus = чистый). Пуритане считали «идолопоклонством» все статуи и культовые изображения; святых они вообще не признавали, равно как постов и многих религиозных праздников.

Распущенности англ. дворянства пуритане противопоставляли суровую мораль, «мирской аскетизм», деловитость и накопительство. Постоянное моральное напряжение пуритан со временем выродилось в свирепый ригоризм.

В конце 16 — начале 17 веков от пресвитерианской церкви отделилось радикальное левое крыло — индепенденты (т.е. независимые). Так пуританство распалось на два лагеря. Пресвитериане составили умеренное крыло пуритан.

Правящая англиканская церковь и абсолютная монархия жестоко преследовали пуритан. Иаков 1 усилил гонения против них, так что в 1620 году большая группа доведённых до отчаяния пуритан на корабле «Mayflower» («Боярышник») переселилась за океан, основав на атлантическом берегу Америки первую английскую колонию.

Пуритане были противниками абсолютной власти короля. Многие коммонеры (члены Палаты общин) были пуританами и выступали против англиканской церкви. Строгие и набожные пуритане яростно клеймили роскошную жизнь Уайтхолла, злоупотребления властью имущих, лихоимство судей. Но особенно неистово пуритане нападали на герцога Бёкингемского, фаворита Иакова I, а после его смерти (в 1625г.) — и Карла I. Этого тщеславного и блестящего царедворца ненавидела большая часть англичан, а король осыпал дорогостоящими милостями. Англия считала Бёкингема грабителем и лихоимцем; гордыня и великопение этого «короля моды» дали повод пуританам сравнивать его с Сатаной или Антихристом.

В разгоревшейся борьбе, короля Карла I с парламентом Бёкингем стал главным объектом всеобщей ненависти. В «великой ремонстранции» королю прямо говорилось, что Бёкингем — виновник всех зол, враг религий и государства. Королевского фаворита убила эта атмосфера ненависти: 28 августа 1628 года молодой дворянин Джон Фелтон, фанатичный пуританин, вонзил герцогу нож в сердце.

Карл I сделал тупого англиканского епископа Уильяма Лода орудием своей церковной политики. Лод был назначен архиепископом Кентерберийским, примасом Англии. При Лоде тюрьмы наполнились пуританами: их приговаривали к кнута, клеймили каленым железом, отрезали уши, вырывали ноздри.

Пуритане ожесточенно нападают на придворную суетность, на театральные зрелища, мирские потехи, пляски и прочие бесовские забавы. Пуританин Уильям Принн написал

в прощание театра книгу «Histriomastix» («Бич лицедеев»), за которую ему были наложены клейма и отрезаны уши. Д-р Баствик в ряде брошюр нападал на англиканскую церковь, называл ее епископов «прихвостнями дьявола»: отрезание ушей, штраф в 5.000 фунтов стерлингов, пожизненное тюремное заключение.

Приближалась Английская революция, время реванша пуритан и полного их торжества. Иногда ее даже называют Пуританской революцией.

Пуритане

(от лат. *purus* = чистый)

Пуритане — английские кальвинисты, выступавшие в 16–17 веках за углубление церковной реформы и политические преобразования в Англии: требовали очищения церкви от сохранившихся элементов католицизма, отмены епископского сана, конфискации церковных земель, отделения церкви от государства и удешевления культа. Они считали «идолопоклонством» все статуи и изображения святых, которых они вообще не признавали. Также не признавали постов и многих религиозных праздников. Распущенности дворянства они противопоставляли суровую мораль, «мирской аскетизм», деловитость и накопительство. Англиканская церковь и абсолютная монархия жестоко преследовали пуритан. В конце 16 — начале 17 века пуританство распалось на два крыла: умеренное /пресвитериане и радикальное (конгрегационалисты или индепенденты).

Пресвитерианская церковь в Шотландии была основана учеником Кальвина Ноксом в середине 16 века, несколько позже возникла первая община в Англии. Здесь пресвитериане составили правое крыло пуритан, умеренно-революционную партию. В 1643 г. им удалось превратить пресвитерианство в обязательную государственную религию, занявшую место англиканской. В 1647 г. «великое собрание богословов» приняло Вестминстерское вероисповедание, которое стало основой пресвитерианства; церковное управление сосредоточивается у этой необычной церкви в руках выборных лиц — пресвитеров, составляющих пресвитерию. Эта система позволяет главенствовать в церк. общинах представителям крупной буржуазии. Создание более радикальной индепендентской республики положило конец короткому господству пресвитерианства в Англии (1649).

У конгрегационалистов каждая община (конгрегация) автономна, своим главой считает Христа и сама для себя определяет формы культа и символ веры; выбирает руководителя, пастора; принимает и исключает членов, не признавая над собой никаких пресвитеров. Но каждая конгрегация «согласовывает» свои верования и культ с другими общинами: так складывается своего рода церковь. В 17 веке конгрегационалисты за их требование полной независимости религиозных общин получили своё второе название — «индепенденты». Вместе с сектантами они составляли костяк армии Кромвеля, которая в 1649 установила «индепендентскую республику», скоро ставшую диктатурой Кромвеля. «Independent» = «независимый».

Квакеры

Квакеры (от англ. to quake — трястись, дрожать) — разновидность протестантизма, возникшая во время Английской революции. Основателем движения считается сапожник Джордж Фокс (1624–1691): он выступил как против англиканской церкви, так и против религиозных принципов кальвинистских общин пресвитериан и конгрегационалистов. Вначале движение квакеров было чисто мелкобуржуазным, потом среди них появились и богатые люди. Прозвище «квакеры» было дано в насмешку и означает «трясуны»: о них говорили, что во время религиозных обрядов они доводят себя до судорог.

Квакеры отвергли всякое внешнее выражение религиозности, всякие обряды и таинства. Они отказались от духовенства, усматривая сущность религии в озарении каждого верующего «святим духом», «внутренним светом», который направляет человека к нравственному совершенству. Одним из первоначальных принципов движения был пассивный протест против социального неравенства в форме отказа ПЕРЕД КЕМ БЫ ТО НИ БЫЛО СНИМАТЬ ШЛЯПУ, обращаться иначе как на «ты», приносить присягу. Квакеров прозывали также «широкополыми шляпами»: они носили шляпы с широкими полями, которых ни перед кем не снимали. Одевались в тёмную одежду, с подчёркнутой простотой.

Общины квакеров построены на основе равенства членов и не имеют деления на духовных и мирян. Их молитвенные собрания происходят в пустых комнатах, где квакеры молча сидят и ведут внутреннюю беседу с богом, пока кто-либо из них не начнёт проповедовать. Квакеры — пацифисты и выступают за мирное разрешение всех конфликтов и споров. В английской литературе давно осмеивается ханжество квакеров и их отрицание всех радостей жизни (эпизод с квакером в романе Филдинга «Том Джонс»).

33. Каббалистика и магия.

И опять-таки нужно подчеркнуть, что среди самых гордых умов нового времени не угасает давняя вера в каббалу и магию, о чем уже ни раз упоминалось. Агриппа Кеттесгеймский, Парацельс, Пико делла Мирандола, Кардано, Кеплер, Френсис Бэкон серьезно относились к магии, заклинанию духов и т.д.

Высоко стоял авторитет Каббалы. Здесь я дам расширенное описание этого суеверия (во II части было коротко).

Каббала (по-древнееврейски «предание») — устная передача религиозных заповедей, сложившаяся у евреев до появления письменно изложенных законов религии. В более узком смысле «каббала» — собрание иудейских сочинений мистического характера, созданных в VIII–XII веках нашей эры; средневековое религиозно-мистическое учение, широко распространенное среди приверженцев иудаизма. Учение Каббалы серьезно отличалось от правоверного иудаизма и, может быть, сохраняло реликты древнееврейских верований (и уничтоженного еврейского политеизма), искорененных религией Моисея. Некоторые историки считают, что Каббала тайно следовала авилонской религии.

По утверждению самих каббалистов, их учение тайно передавалось от Авраама (или даже от праотца Адама) непрерывной цепью посвященных.

Первой книгой, которой примерно в VIII веке была произведена запись учения Кабалы, была «Сефер Иецира» («Книга Творений»). Ее анонимный автор учил, что основой всего сущего является единый Бог, что мироздание зиждется на 10 цифрах и 22 буквах еврейского алфавита. В этих цифрах и буквах заключена основа всех вещей: нечто вроде пифагорейской мистики чисел.

Каббалистическая мистика получила дальнейшее развитие в анонимной книге «Зогар» («Сияние»), появившейся около XIII века. Утверждая, что Бог лишен каких бы то ни было атрибутов, «Зогар» рассматривает Божество как бесконечное, а мир вещей как эманацию божественных сил (влияние неоплатонизма?). У Кабалы не было личного бога — грозного Ягве (Иеговы); эта традиция предлагала символическое истолкование священных книг, в том числ Библии.

Каббала учит о возникновении мира из энсофа (греч. первоединое) — т.е. из бесконечно-го и беспредельного бытия. В противоречии с самим собой, книга «Зогар» говорит о десяти сеферотах [ошибочная европейская транслитерация — зефирот] — творящих атрибутах Божества, посредством которых оно открывается и познается. Они происходят из энсофа; сефероты — это числа, формы, потоки света. Из сеферотов образовался прообраз земного мира и Адама-Кадмона (еврейск. «первый человек»; Адам = человек). К концу развития человек вновь должен достигнуть этого образца. Из превомира возникают бриа (мир форм), иецира (мир ангелов) и асиа (мир материи). Человек своим умом, душой и жизненной силой принадлежит ко всем этим трем царствам.

Каббала исповедует переселение душ. Человеческая душа способна к совершенствованию и очищению путем перевоплощения двух родов: это гильгуль («круговорот») — прохождение всех сфер бытия в новых телах до полного очищения, и иббур («прививка») — особое особое соединение отжившей души с живым человеком; при этом осуществляется провиденциальная цель. Иббур не имеет аналогий в восточных религиях и суевериях.

По Каббалистическим книгам проводились гадания и предсказания; Каббала использовалась для магии. Каббалисты считались колдунами и верили, опираясь на книгу Иециры, что чудодейственные амулеты и формулы (легенда о Парижском Големе, Prager Yolem) обладают целебными свойствами. Многие христианские ученые, захваченные этой темной мистикой, изучали древнееврейский язык и выискивали в каббалистических книгах химерическое искусство общения с духами.

Каббала оказала большое влияние на многих мыслителей Возрождения, в частности на Рейхлина, Парцельса, а позже на Якоба Бёме.

Искусство гаданий, любовная магия и предсказания расцвели пышным цветом в эпоху Ренессанса. Особенно прославился знаменитый Нострадамус.

Nostradamus, а точнее Michel de Nostre-Dame (1503–1566) родился в Сен-Реми, близ устья Роны. Этот астролог и врач опубликовал сборник предсказания, написанных туман-

ными и загадочными стихами; сборник получил название «Centuries». Книга вышла в 1555 году. Эти загадочные четверостишия (катрены) пленили воображение легковверных французв. В 1559 году король Генрих II выступал в одном из рыцарских турниров, в которые входил и бой на копьях — затупленных. Во время сшибки короля с капитаном его швейцарской гвардии Габриэлем Монтгомери копьё последнего сломалось и вонзилось в глаз королю; от этой раны Генрих II вскоре умер. Тогда-то современники обнаружили, что смерть короля в результате трагической случайности предсказана в «Центуриях» Нострадамуса. Это снискало книге огромный авторитет, и в ее двусмысленных катренах усиливались прочесть всю будущую историю Франции.

Хиромантия (греч. хир = рука, мантия — гадание) — угадывание, предсказание будущей судьбы человека по линиям его ладони.

Пиромантия — гадание по огню.

Орнитомантия — гадание по полету птиц. Гиерасхопия — гадание по внутренностям животных. Библиомантия — гадание по священным книгам (открываемым наугад).

Вавилонское искусство предсказаний будущего по положению звезд и планет (астрология) получило широкое распространение по всей Европе. Большое значение придавалось также сновидениям; толкование сновидений также служило для пророчеств. Вера в вещий характер снов отразилась во всех религиозных памятниках, в частности в Библии. Первые «сонники» (руководства по толкованию сновидений) появились уже в древности. В Средние века и в эпоху Возрождения сонник был необходимой книгой в каждом культурном доме, наравне с календарем.

Широко распространилась вера в магические предметы, талисманы, магические напитки («приворотное зелье»), чары, заклинания, насылающие смерть на личного врага, в «порчу» и т.п. Ослабление официальной религии и прогресс материализма ведет к вырождению веры — она уходит в суеверия.

Алхимия

Алхимия — магическое искусство получения золота, равноценного или почти равноценного природному, из неблагородных металлов. Магический секрет алхимиков кроется в философском камне (Lapis philosophorum), который по-арабски называется эликсир. Одни говорили, что это затвердевший порошок, другие — что масло беловатого или красного цвета: одна его унция превращает в золото 240 драхм простого металла. Третьи утверждали, что с помощью философского камня можно превращать в золото ртуть и серу. Четвертые называют этот камень духовной субстанцией, которая все проникает, все укрепляет и все металлы в чистое золото превращает.

Поисками философского камня занимались алхимики с III века н.э. до XVII века, то есть почти 1500 лет. В новые времена алхимики свято верили, что их предшественникам удалось найти философский камень и превратить свинец в золото, но что они унесли этот секрет с собой в могилу. Бесчисленные попытки вновь отыскать этот секрет ни к чему

не привели, но попутно алхимики разработали и описали такие процессы, как перегонка, возгонка, фильтрование, дистилляция. Они открыли или усовершенствовали способы получения красителей, эмалей.

Одним из последних алхимиков был Иоганн-Фридрих Беттгер, которого по велению саксонского курфюрста Августа Сильного заточили в крепость Кенигштейн, приказав выплавлять золото. Правда, золото Беттгеру получить не удалось, зато он первым в Европе изготовил фарфор (1709 год).

Мучительно изыскивая философский камень, алхимики были вынуждены порою приоткрывать, что уже нашли его или близки к этому. Они окружали себя мрачной и таинственной обстановкой, отпугивали любопытных страшными фокусами, признавались, что используют «черную магию» и что им помогает Дьявол.

У немецкого алхимика Турнейссера, по словам очевидцев, был собственный подручный дьявол, которого он держал в бутылке. Однажды, когда очередной обман Турнейссера не удался, он был вынужден спешно покинуть Берлин и не успел забрать с собой дьявола. Тогда-то и раскрылась тайна его ужасного «помощника»: оказалось, что в бутылке с большой увеличительной линзой в стенке сидел огромный живой скорпион — редкость для Германии, так как скорпионы живут в жарких странах.

Платина и сурьма

Долгое время платина не находила практического применения, и цена ее была очень низкой. В XVII веке в некоторых странах, например, во Франции, существовал запрет добычи и переработки платиновой руды. Того, кто вопреки запрету все же выплавлял платину, приговаривали к многолетним работам на галерах как мошенника. Почему? Потому что даже в XVII веке химический анализ был настолько несовершенен, что нельзя было определить добавления платины к золоту.

Сейчас, благодаря своим исключительным свойствам, платина широко применяется в промышленности и ценится намного дороже золота.

В течение многих веков алхимики знали только семь металлов, причем каждый из них отождествляли с одной из планет солнечной системы: ртуть — с Меркурием, свинец — с Сатурном, олово — с Юпитером, железо — с Марсом, медь — с Венерой, серебро — с Луной, а золото — с Солнцем.

В XVI веке была открыта сурьма, но алхимики не считали ее металлом, так как для нее не было соответствующей планеты.

34. Якоб Бёме

В эпоху барокко возникла типично немецкая мистика Валентина Вейгеля и Якоба Бёме.

Jacob Boehme (1575–1624) — родился в Alt-Siedenberg, сапожник, философ-самоучка, пантеист и мистик, один из самых оригинальных мыслителей своего времени. Друзья назы-

вали его «Philosophus Tentonicus» («Немецкий философ»), а враги — «Sartor antichristus» («Сапожник-антихрист»).

Опираясь на труды Валентина Вейгеля, Парацельна и Швекфельда, Бёме создал сложную систему космологии: из первоосновы, которая представляет собой вечное единство, безмолвие, без сущности, вечный покой и ничто силой стремления к «нечто» порождается Божество, потом Богам — вечная природа, затем властью Божей — духовный мир, а затем уже как последнее порождение — земной мир.

Свои диалектические догадки о противоречивой природе вещей и мира в целом, Бёме выражал поэтическими образами и символами, заимствованными из христианской мистической традиции, астрологии, алхимии и Рабаллы. В богословских сочинениях Бёме, написанных в возвышенном стиле, преисполненных непонятными аллегориями и яркими образами, простое переложение библейских мифов, одухотворенное силой религиозной мечты, перемежается с глубокими умозрениями. Согласно Бёме, Бог и природа едины, вне природы нет ничего. Пантеистические идеи Сапожника в их дальнейшей исторической перспективе вели к отрицанию религии.

Согласно Бёме, во всем содержится противоречие; во всем, даже в Боге, замечено как доброе, так и злое начало. В этом раздвоении Бёме видел источник развития мира. Основное сочинение его — «Аврора, или утренняя заря в восхождении. . .» (1612) — было осуждено как еретическое.

Глубокое учение Бёме повлияло на протестантов Германии, Англии, Нидерландов. Оно оказало сильное влияние на немецкую философию — на Гаманна, Эйтимгера, Гегеля, Шеллинга, Новалиса. Людвиг Фейербах, проявлявший большой интерес к Бёме, охарактеризовал его как «материалистического теиста», а Фридрих Энгельс назвал «предвестником грядущих философов»

Стихотворение Якоба Бёме:

Weme Zeit ist wie Ewigkeit
Und Ewigkeit wie die Zeit,
Der ist befreyt
Van allem streit.

(Кому время как вечность, а вечность как время, тот избавлен от всех ударов). Якоб Бёме, по сообщению его биографа Авраама Франкенберга, имел обыкновение писать это стихотворение в альбомы свои друзьям.

35. Рационализм.

В богословии «рационализмом» (лат. Ratio = разум), называют противоположное мистицизму течение, декларирующее возможность постижения Боготворенных истин средствами разума. Наиболее типичным в этом отношении было схоластическое богословие Средних

веков; система Фомы Аквинского формально претендовала на рационалистический характер¹.

Однако на поприще разума теология католицизма потерпела сокрушительное поражение в эпоху Возрождения, что принудило римскую церковь искать согласия в мистике.

Именно тогда родилась философия рационализма — учение в теории познания согласно которому всеобщность и необходимость (логические признаки достоверного знания) не могут быть выведены из опыта и его обобщений, а могут быть почерпнуты только из самого ума: или из понятий, врожденных уму (теория врожденных идей Декарта), или из понятий, существующих только в виде задатков, предрасположений ума. Опыт оказывает известное стимулирующее действие на их появление, но характер безусловной всеобщности и безусловной необходимости им сообщают предшествующие опыту и от него зависящие усмотрения ума или априорные формы. В этом смысле рационализм противоположен эмпиризму.

Рационализм возник как попытка объяснить логические особенности истин математики и математического естествознания. Его представители в XVII веке — Декарт, Спиноза, Лейбниц; в XVIII веке — Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель. Органичность рационализма — в отрицании опытного происхождения всеобщности и необходимости.

В более широком смысле рационализмом называют рассудочность мышления и мировоззрения, которая не только в гносеологии, но и в психологии, этике и эстетике. В психологии рационализм на первый план выдвигает интеллектуальные психические функции, сводя, например, волю к разуму (Спиноза); в этике — рациональные мотивы и принципы нравственной деятельности; в эстетике — интеллектуальный характер художественного творчества. Во всех этих случаях рационализм означает веру в разум, в очевидность разумного усмотрения, в силу доказательности. В этом смысле рационализм противостоит иррационализму.

Последний в ту эпоху был представлен фидеистическим иррационализмом.

36. Монтень

Мы возвращаемся в XVI век; речь идет о Франции. Зарождение капиталистических отношений, экологический и политический подъем Франции в начале XVI века создали благоприятную обстановку для развития идей гуманизма и Реформации, стимулированных также знакомством с культурой итальянского Возрождения. В этих условиях развивались материалистические по своей устремленности учения в области логики и методологии, направленные против схоластики (Лефевр д'Этанль¹, Раме Монтень), пропагандирова-

¹Согласно рационалистическому богословию, приемлемы только те догматы веры, которые ум находит согласными с логикой и с «естественным светом» разума.

¹Lefèvre d'Étaples (ок. 1450–1537) — французский теолог, родом из гор. Этанля, предшественник Кольвина, оставил первый полный перевод Библии на французский язык.

ся идеал гармонически развитого человека (Рабле), антитеологические (Боден²) и даже демократические (Ла Боэси³) общественные теории.

Передовые французские мыслители этой эпохи осуществляли секуляризацию философской и социально-политической мысли. Большинство их обнаружило индифферентизм к религиозным вопросам, как не имеющим реального значения для человека, и призывало французов сосредоточить силы на размещении земных, мирских проблем.

Светской ориентации передовой французской философии эпохи противостояло религиозное реформаторство Кальвина, который родился и учился во Франции, но затем всю жизнь прожил в Женеве. Ставший знаменем ранних буржуазных революций, кальвинизм в своем абскуртантстве, жестокости и нетерпимости не уступал католицизму.

Французские кальвинисты (гугеноты) выросли в крупную политическую силу, но кровавые религиозные («гугенотские») войны, длившиеся с 1562 по 1594 год, привели к фактическому поражению гугенотов. Чтобы взять Париж, овладеть французским престолом и закончить эту бесконечную резню, вождю гугенотов Генриху Наваррскому пришлось принять католическую веру. При этом он, согласно легендам, сострил: «Paris vaut bien une messe!» Генрих IV смог восстановить прочную власть, необходимую всей нации, только путем примирения с Римом.

Религиозный компромисс был оформлен Нантским эдиктом «доброго короля Генриха»: гугеноты получили относительную автономию внутри Франции. Но в дальнейшем католическая церковь вступила в союз с утверждавшимся королевским абсолютизмом; начались преследования и гонения на гугенотов.

Крах религиозный Реформации во Франции явился вместе с тем одной из предпосылок дальнейшего развития буржуазной идеологии на антиклерикальной и атеистической основе, особенно в XVIII веке. Под властью Лютера и Кальвина такой путь оказался невозможным.

Самая кровавая эпоха в истории Франции после Столетней войны, эпоха этих постоянных убийств была и эпохой пышного расцвета французского Ренессанса и французского гуманизма, с его специфическим жизнелюбием, дерзкой отвагой и прямой насмешкой над холощеными педантами Схолы. Эта эпоха и породила Монтеня.

Michel Eyquem de Montaigne, а точнее Michel Eyquem, seigneur de Montaigne, родился 28 февраля 1533 года в замке Монтень (южнофранцузская провинция Перигор) и умер 13 сентября 1592 года — там же.

²Jean Bodin (1530–1596) — юрист, магистрат, политический писатель, родом из Анжера. Автор трактата «De la République», в котором и развивал принципы монархии, ограниченной Генеральными Штатами; сторонник ликвидации феодальной раздробленности, поборник сильной королевской власти. В эпоху религиозных войн Боден противопоставлял фанатизму обеих сторон требование веротерпимости и считал, что у всех народов, в сущности, единая естественная религия, в основе которой лежит вера в единого Бога Бога, в бессмертие души и в Божественное возмездие на Том свете, а также моральное сознание и свобода воли, один из самых умных и практичных мыслителей эпохи.

³Etienne de La Boétie (1530–1553) — французский писатель, родился в Sarlat. Сформировался под сильным влиянием философии стоиков. Ла Боэси в своем труде «Discours sur la servitude volontaire, ou Contre' un» выступал против всякой тирании. Он был другом Монтеня.

Этот великий гуманист и философ-моралист родился в семье гасконских купцов, ставших дворянами: *il appartenait par son père à la bourgeoisie récemment annoblie par l'achat d'une terre, qui portait le nom qu'il a immortalisé*. Настоящая фамилия семьи — Эйкам, а Монтень — это купленный ими замок. Мать Монтеня была еврейского происхождения, она была из рода Лопесов (Lopez), знаменитого рода «Придворных евреев» («*Juifs de Cour*») из Португалии; Лопесы эмигрировали в Бордо от преследований инквизиции и офранцузились.

Уже эта окраска в какой-то мере предопределяла широту воззрений Монтеня: Лопесы были католиками, но их еврейское прошлое не составляло секрета. К тому же мать философа обратилась в протестантизм, а отец остался католиком: две религии в одной семье. Еще одна причина органической терпимости.

Мишель де Монтень получил домашнее классическое образование, окончил колледж, изучал право. В 1554 году молодой человек унаследовал должность своего отца в палате соборов Бордо, а в 1557 году стал советником Бордосского парламента (во Франции парламентом называлось высшее судебное учреждение в каждой провинции).

В 1570 году Монтень перешел из «дворянства мантии» в «дворянство шпаги», но, несмотря на кипевшую во Франции гражданскую войну, так и не извлек из ножен, а мирно прожил девять лет в своем поместье Монтении, окруженный книгами. Итогом его занятий явились первые две книги знаменитых «Опытов» (*Les Essais*, Bordeaux, 1580).

Он начал писать «Опыты» в 1571 году и до самой смерти не переставал добавлять новые страницы к этому труду, в котором он изобразил самого себя, но через противоречия своей собственной натуры раскрыл бессилие человека найти истину и справедливость. Путешествие Монтеня по Европе (Германия, Швейцария и Италия, 1580–1581), лишь укрепило его во мнении об относительности людских понятий и верований. Из всех этих констатаций Монтень не сделал пессимистических выводов, но считал, что «art de vivre» (искусство жить) должно основываться на осторожной мудрости, вдохновляемой здравым смыслом (*bon sens*) и духом терпимости.

В 1581 Монтень был избран мэром города Бордо, а в 1583 году — переизбран вторично. За время своей четырехлетней магистратуры Монтень играл видную роль в политической жизни Южной Франции, которая была очагом кальвинистского (антимонархического по своей сути) движения. Время было ужасное: конвульсии с религиозными названиями сотрясали Францию, фанатики католицизма и фанатики Реформы проливали кровь, разоряя страну; и те, и другие были вынуждены опираться на иностранные державы против Франции. В эту эпоху Монтень мудро держался на расстоянии от всех фанатиков и экстремистов, *sauva du mieux qu'il put ses amitiés des deux côtés*, поддерживал примирительную политику как Генриха III (*l'edit de Poitiers*), так и Генриха IV (*l'edit de Nantes*); оба эти короля были убиты фанатиками, сыгравшими роль инструментов Церкви.

Монтень маневрировал, чтобы обезопасить Бордо от бешенства как католических, так и гугенотских фанатиков; эта политика сделала его подозрительным в глазах обеих партий.

Он жалел Бордо, он жалел и Францию. Трон её последовательно занимали дегенеративные сыновья Катерины Медичи; один из них, Карл IX, опозорил свое имя Варфоломеевской ночью, резней гугенотов в ночь на 24 августа 1572 года. Монтень писал, что Франция -это «бедный корабль, которого волны, ветры и кормчие тянут в столь различные стороны.» Он боролся против фанатиков оружием тонкой иронии: «Надо очень высоко ставить свои гипотезы, чтобы ради них сжигать человека живьем»

В Бордо Монтень подружился с гуманистом Ла Боэм, оказавшим влияние на его развитие.

Несмотря на свое умение лавировать между враждебными станами, Монтень был в 1588 оду ненадолго посажен в Бастилию жожаками Святой Лиги — католической феодальной партии, которой руководил испанский король Филипп II (la sainte Ligue была создана в 1576 году, в ней господствовали Гизы).

Вообще 1588 год был большим годом в истории. Филипп II, чтобы отомстить за казнь Марии Стюарт и низложить с английского трона Елизавету, отправил против Англии «Непобедимую армаду» — гигантский флот под командой герцога Медина Сидониа. Но этот флот в 1588году был рассеян бурями и добит корсарами Её Величества Елизаветы. Это была крупная победа европейского протестантизма.

Французский король Генрих III, человек подлый и порочный, окруженный блестящими и изысканными любовниками (mignons), был женат на Луизе, дочери графа де Водемона (Vaudémont), из Лотарингского дома. Детей у них не было, король не умел любить женщин. Он был очень непопулярен в Париже; произошло вооруженное выступление против Генриха III (la Journée des barricades). Если бы герцог Гиз в этот день проявил больше решительности, король был бы низложен. «День Баррикад» был инспирирован Гизалии.

Но Генриху III удалось бежать из Парижа в Шартр. «Война трёх Генрихов» (короля Франции, короля Наварры и герцога Гиза) могла привести только к поражению короля, позорно болтавшегося между Лигой и гугенотами. В Шартре Генрих III назначил герцога Гиза генералиссимусом всех армий королевства, а затем созвал в Блуа Генеральные Штаты. Генрих Гиз (его любовно называли Balafre, т.е. «Рубленый», за боевой шрам на лице) не сумел воспользоваться плодами своей победы и тоже поехал в Блуа, к королю, под охраной своей славы и огромного могущества.

Но у короля Генриха III была исключительная гвардия из 45 преданных и на всё готовых людей; их называли les Quarante-Cinq. По тайному приказу короля они убили в Блуа герцога Гиза (1588). На другой день в Блуа был убит брат герцога (на 5 лет младше) — кардинал Лотарингский. Взрыв ярости потряс всех французских католиков, Лига схватилась за оружие, города восстали против Генриха 3.

Тогда он помирился с Генрихом Наваррским, вступил с ним в союз осады Парижа и объявил его своим преемником.

Но очень скоро доминиканский монах Jacques Clément (род. 1567), фанатичный лигёр, убил Генриха 3, чем положил конец династии Валуа (1589). Жака Клемана королевская гвардия изрубила на куски сразу после покушения.

Единственным законным наследником французского престола стал Генрих Наваррский, женатый на Маргарите Валуа.

В 1588 году в Париже Монтень выпустил первое полное издание «Опытов» — свода разнообразнейших размышлений по вопросам философии, истории, политики, морали, естественных науки и т.д.

Генрих Наваррский знал Монтеня. Они переписывались. Генрих ценил его и желал привлечь на государственную службу. Хотя стремление этого монарха к внутреннему миру и единству Франции импонировало Монтеню, он уклонился от прямого участия в политической борьбе.

Враждебная критика часто характеризует Монтеня целым букетом эпитетов: индивидуалист, скептик и дилетант, умеренный консерватор и оппортунист, а иногда говорят и того хуже: «prudent jusqu'à la lâcheté.» Так ли это?

Доля истины в этом есть, но маленькая. Не так.

Замысел единственной книги.

Монтень совершил освобождающий труд, поставив своей целью «le dessein farouche et extravagant de se pourtraire au vif», что он и сделал — задолго до Жан-Жака Руссо; таким «автопортретом» Монтень дал пример большой интеллектуальной смелости, не менее ценной, чем храбрость на полях сражений.

В «Les Essais» манифестируется логика критического ума, здраво деятельного и борющегося против предрассудков, иллюзий, суеверий, чудес, против пытки, самодовольства, нетерпимости. Скептицизм есть защитное оружие от всяческого догматизма и всякого конформизма. Это позиция очень редкая в ту эпоху (церковь не ошиблась, внеся «Опыты» в Индекс); она делает Монтеня как бы предшественником философов 18 века.

Паскаль скажет: «Le sot projet que Montaigne a eu de se peindre!» В пику ему Вольтер ответит, желая опровергнуть знаменитое паскалево суждение: «Le charmant projet que Montaigne a eu de se peindre naïvement, comme il l'a fait!»

С 1570, уединившись с в Монтеньском замке, Монтень отдался литературным занятиям. В 1580 он опубликовал первые две книги «Опытов», затем совершил путешествие по Европе, отразившееся в дневнике («Journal de voyage»); в 1588 опубликовал 3-ю книгу «Опытов»; вместе с тем все издание было расширено.

Литературно-философский жанр размышления над конкретными историческими фактами прошлого и настоящего, над бытом и нравами людей разных положений, состояний, уровней культуры, да и сам термин эссе (опыт) своим возникновением обязаны прежде всего Монтеню. Стимулом к созданию нового жанра явилась опасная ситуация гражданской и религиозной войн между феодальной знатью и складывающейся монархией, между

католиками и гугенотами. Широкое вольнодумство, гуманистический скептицизм Монтеня направлены против отупляющей догматики церкви и против схоластики, все еще господствующей в университетах, против суеверий и фанатизма обоих враждующих лагерей, жестокости и цинизма правителей, феодальной анархии и произвола.

Скептицизм

Скептицизм нового времени развивался по нескольким различным линиям, но в целом сыграл важную положительную роль в опровержении догматизма религиозной идеологии Средних веков.

В «Опытах» Монтень говорит: «Cette fantaisie est plus sûrement conçue par interrogation: «Que sais-je?» comme je la porte à la devise d'une balance.»

В обращении к читателю («Au lecteur») Монтень заявляет об «Опытах»: «C'est ici un livre de bonne foi, lecteur.» Его «книга доброй воли» — резюме его чтений; сборник его воспоминаний и наблюдений, причудливая панорама личных впечатлений ума, который изучает себя и проверяет себя без конца. «Я» в этой книге представляет человека вообще, это зыбкое и разнообразное существо (cet être ondoyant et divers). Монтень тщательно остерегается категорически утверждать или отрицать: «Que sais-je?» («Почем мне знать?») — вот его заключение, вот лозунг его скептицизма.

«L'obstination et ardeur d'opinion est la plus sûre preuve de bêtise: est-il rien certain, résolu, dédaigneux, contemplative, grave, sérieux, comme l'âne?» («Опыты», III, 8).

Итак, в основе его мировоззрения — скептицизм Человека, по утверждению Монтеня, имеет право на сомнение. Этому целительному сомнению подвергаются средневековая схоластика, догматы католической церкви, само христианское понятие о Боге. В отличие от агностицизма, скептицизм Монтеня не отрицает познаваемости мира.

Великий скептик вскрывает необоснованность христианских догматов перед судом разума. Мнения богословов о Боге настолько противоречат одно другому, констатировал Монтень, что приходится признать: в богословии истина недостижима. Монтень развертывает критику всех существующих религий, особенно христианства. Живя в эпоху религиозных войн, он отмечал, что они ведутся из-за своекорыстных интересов, решительно осуждал фанатизм обеих религий и призывал к веротерпимости. «Наша религия создана для искоренения пороков, а на деле она их покрывает, питает и возбуждает,» — писал он во второй книге «Опытов».

Мировоззрение Монтеня, включающее в себя элементы античного стоицизма и эпикуризма, что весьма противоречиво, но характерно для Возрождения, в принципе враждебно христианству¹.

¹Всех предшествующих философов Монтень делил на три категории: первые заявляли, что нашли истину — он им не верит; вторые отчаялись ее найти — он с ними не согласен; третьи объявили, что ищут истину — к ним и примкнул Монтень.

Человек: жизнь и смерть

Философия Монтеня проникнута глубокой симпатией к человеку, любовью к жизни, к природе. «Все, происходящее согласно природе, достойно уважения,» — писал он, призывая философов заниматься вопросами земли и человека и не тратить своего времени «на небеса».

Человек — часть природы. Монтень отвергал идею бессмертия души. Главный принцип его морали: человек не должен пассивно ожидать своего счастья, которое религия ему обещали на небесах, он вправе стремиться к счастью в жизни земной. Монтень является одним из крупнейших оптимистов в истории духа.

Великий гуманист эпохи Возрождения, он рассматривает человека как самую большую ценность, и не случайно некоторые мысли Монтеня, об относительности критериев добра и зла — вопреки нудной догматической моралистике — повторяет у Шекспира принц Гамлет, хотя уже без монтеневского оптимизма.

Любя жизнь, Монтень считал смерть вечным, неизбежным и, в конце концов, разумным законом природы. «Смерть есть одно из звеньев управляющего вселенной порядка; она — звено мировой жизни.» Нужно научиться презирать смерть и любить жизнь, чтобы страх смерти не заслонял от нас радостей мира, не унижал человеческого достоинства, не толкал нас свершение недостойных поступков. «Кто научился умирать, тот разучился быть рабом,» — писал Монтень.

«Je veux que la mort me trouve plantant mes choux» («Опыты», I, 19).

«Nous troblons la vie par le soin de la mort; l'une nous ennuie, l'autre nous effraie.» («Оп.», III, 12).

«Qui craint de souffrir, il souffre déjà de ce qu'il eraint» («Оп.», III, 13).

Народы и нравы

Монтень с глубокой симпатией относился к народу. Он писал: «les âmes des Empereurs et des savetiers sont jettées à mesme moule» (старинная орфография).

Монтень приветствовал все народы земли. «Non parce que Socrate l'a dit, mais parce qu'en vérité c'est mon humeur et, à l'arenture, non sans quelque excès, j'estime tous les homes mes compatriots et embrasse un Polonais comme un Francais, postposant cette liaiscn nationale à l'universelle et commune.»

Но предметом критики Монтеня была моральная структура цивилизованного и все еще варварского общества христианской Европы, по сравнению с которым примитивный мир дикарей и отношения, основанные на естественной нравственности, являются воплощением разумного и гораздо более человеческого образа жизни.

Он клеймит (stigmatise) ложь и преступления колонизаторов Америки: «Notre monde vient d'en trouver un autre (...) Bien crains-je que nous aurons fort bien haste sa déclinaison et sa ruyne par notre contagion (...) Nous nous sommes servis de leur ignorance et inexperience à les plier plus facilement vers la trahison, la luxure, l'avarice et toute sorte d'inhumanité et cruauté

à l'exemple et patron de nos meurs (...) Tant de villes rasées, tant de nations exterminées, tant de millions de peuples passez au fil de l'épée, et la plus riche et belle partie du monde bouleversée par la négociation des perles et du poivre!»

Идея о свободном и прямодушном дикаре (*bon sauvage*) появилась еще в «Похвале глупости» Эразма Роттердамского, а теперь ее развил Монтень. По его словам пойдут Шекспир в «Буре», Вольтер, Монтень и особенно Руссо.

Монтень четко формулирует истину социального порядка: «Le profit de l'un est le dommage de l'autre.» («Оп.», I, 21).

Широкую известность снискало такое его рассуждение: «Tel a été miraculeux au monde, auquel sa femme et son valet n'ont rien vu seulement de remarquable; peu d'hommes ont été admirés par leurs domestiques; nul n'a été prophète non seulement en sa maison, mais en son pays, dit l'expérience des histories.» (III, 2). Никто не велик для своего лакея — это стало поговоркой.

Монтень — психолог

Он выразил в «Опытах» свои реакции на мир и жизнь, свои размышления о собственной натуре, свои чтения, свои страсти, желания, даже настроения, включая то, что он называет «*détails impubliables*», и свои противоречия. Это рациональное искание внутренней свободы явилось общезначимым описанием психологии эпохи в силу замечательной мысли Монтеня: «*Chaque homme porte la forme entière de l'humaine condition*».

Рассказывая о своем личном опыте, склонностях, приверженности к здравому смыслу, Монтень создает реалистически правдивый и самокритичный автопортрет, каков и был его замысел. Он не приукрашивает себя и с большой простотой признается: «Je suivrai le bon parti jusqu'en feu, mais exclusivement si je puis». Он вовсе не уверен, что сможет!

Смешанное с скептицизмом благоразумие, избранное Монтенем для своего поведения, выдвигается им как походящий принцип и для общества, от неурядиц которого больше всего терпит всегда простой люд, чье возмущение и чей юмор, сугубо французский, галльский юмор, характерны для Монтеня.

Прежде чем достигнуть мудрости, которая выразилась в III-й книге «Опытов», Монтень прошел через двойной кризис: кризис стоический, в основном книжного происхождения, который освободил его от заёмной философии и раскрыл ему все недостатки чистой теории. Мысль Монтеня движется через долгие нащупывания (*tâtonnements*); она не шествует через колебания парадным маршем, не боится оглядываться. Эта мысль — плод некоего опыта, никогда не устающего осуществляться, особенно в самом себе. Ей не чужды парадоксы:

«Savoir par Coeur n'est pas savoir» («Оп.», I, 25).

«Ce grand monde, c'est le miroir où il nous faut regarder pour nous connaître de bon biais» («Оп.», I, 25)

«Philosopher, c'est apprendre à mourir».

По той важности, которая придается в книге психологическому анализу, «Опыты» составили важный этап в эволюции французской мысли и оказали сильное влияние на классическую литературу.

Детали о Мотене. Из Монтеня

В своих «опытах» (глава «О педантизме») Монтень всячески острит насчет тех, кто много знает. «Подобно тому, как растения угасают от чрезмерного обилия влаги, а светильники от обилия масла, так и ум человеческий при чрезмерных знаниях и обилии знаний, загроможденный и подавленный их бесконечным многообразием, теряет способность разобраться в этом нагромождении». Он насмешливо называет таких педантов — «окниженные».

А в соседней главе — непостижимая именно у Монтеня жалоба на то, что он не знает по-настоящему ни одной книги.

Первый — довольно фантастичный — набросок описания американского индейца как идеализированного «естественного человека» европейский читатель нашел в «Опытах» Монтеня. При этом Монтень опирался на описания индейцев, данные в известной книге монаха Бартоломео Лас Касаса, товарища третьего путешествия Колумба. Брат Бартоломео, прозванный «Отцом индейцев», тщетно пытался обратить внимание культурного мира на жестокости испанских конкистадоров.

Некоторые детали о Монтене

Монтень был отдан ребёнком на воспитание в деревню для укрепления здоровья и приобретения любви к народу. По возвращении в родной замок он стал учиться очень усердно: с шести лет говорил по латыни, в 9 лет свободно читал Софокла и Платона, а в 14 лет окончил полный курс наук Бордосской коллегии. В молодые еще годы он стал членом Бордосского парламента. Во время путешествия, находясь в Италии, он узнал, что жители Бордо избрали его своим мэром. Существует предание, что он был плохим мэром; но тогда непонятно, почему его выбрали на второй срок.

В сорок с чем-то он написал «Опыты» — «les essais de messire Michel, seigneur de Montaigne». Книга состоит из 107 разделов разнородного содержания. Монтень — скептик, и всё представляется ему сомнительным и подлежащим критике, кроме мирового нравственного порядка, который основан на Божественном откровении, и авторитета, который его поддерживает. Философия, по его мнению, должна служить для освобождения человека от страстей и усвоения равнодушия ко всему земному, но не должна поднимать руку на Откровение. Монтень — гуманист той же школы, как и Рабле, но он остался в пределах умеренности. Главная его заслуга — стремление вывести философию из кабинета в публику. Философия, которая прячется от толпы, по его мнению, — шарлатанство. Наука которая занимается мелочами, бесполезными для людей, — самоуслаждение и вздор. Не случайно он издал результаты своих наблюдений на чистом французском языке. замечательно логичном и легком.

Монтень сильно занят проблемой воспитания и в основных пунктах сходится с Рабле. По мнению Монтеня, надо учить ребенка так, чтобы он чувствовал от самого процесса обучения удовольствие; надо стремиться к тому, чтобы вновь приобретаемые сведения не ложились в его голове, как какая-то тяжесть, а развивали его, давали ему новые мысли.

Форма и стиль «Опытов»

Противоречивая и во многом непоследовательная система воззрений Монтеня нашла необычайно яркое выражение в его писательской манере. Для изложения своих мыслей Монтень создал особую форму фрагментно-мозаичных записей, произвольных по объему абсолютно свободных в выборе и размещении материала, целиком подчиненных капризному ходу его мысли.

Легкая и изящная манера письма, тонкая ирония, галльский юмор, парадокс, неожиданно вспыхивающие остроумные соображения — все это напоминает непринужденную беседу с читателем на разнообразные, подчас глубокие темы. Эта беседа оживляется небольшими рассказами, анекдотами, историческими воспоминаниями, цитатами из античных и новых (преимущественно из итальянских) писателей. Создавая такую форму Монтень противопоставлял ее старой, схоластической и педантской манере трактовать научные вопросы и моральные проблемы.

«Le parler que j'aime, c'est un parler simple et naif, tel sur le papier qu'à la bouche, un parler succulent et nerveux, court et serré» («Оп.», I, 25).

Язык его чрезвычайно богат, его стиль изобилует живописными оборотами. Эта форма передает наслаждение мыслью, эта форма воспитывает и заставляет думать.

Громадный успех «Опытов» и многочисленные подражания им во Франции и за ее пределами способствовали канонизации созданного Монтенем жанра — эссе.

Воздействие Монтеня. Поздние оценки

Монтень, написавший одно-единственное произведение, обессмертил свое имя как один из величайших метров критической мысли и один из родоначальников французского вольнодумства, а значит — и материализма¹.

В известной мере Монтень предвосхитил идеи Френсиса Бэкона. Может быть Бэкон испытал идейное влияние Монтеня, у которого явным образом перенял жанр эссе. («Опыты политики и морали» Бэкона -1597). Об успехе Монтеня в Англии свидетельствует его общепризнанное влияние на

Шекспира который вложил в уста Гамлета многие мысли Монтеня и позаимствовал из главы о каннибалах («Опыты», кн. I, XXX) материалы для куплетов Гонзало в «Буре».

Широкое влияние Монтень оказал в Германии, Италии, Испании. Во Франции век классицизма не мог понять Монтеня; весь строй его скептического мышления был чужд и ра-

¹Монтень одним из первых во Франции признал систему Коперника.

ционализму XVII века, и культу монарха в эпоху абсолютизма, а свободная литературная манера, не говоря уж о симпатии к народной поэзии, далека от строгой до педантизма классицистской системы правил и регламента.

Многие идеи Монтеня ведут к Монтескье к просветителям XVIII века и Руссо; французские материалисты XVIII века опирались на Монтеня. Его признавали своим духовным предком Гете и Фридрих Ницше. В XX веке Андре Моруа писал: «Montaigne (...) vit comme si Dieu n'existait pas (...) Le christianisme ne joue aucun role dans sa vie intérieure (...) Montaigne n'est pas plus chrétien que Voltaire; il l'est beaucoup moins qu'André Gide»

37. Декарт

Франция XVII века. Генрих IV и Сюлли упрочили королевскую власть и экономику, заложив основы абсолютизма. Король и его первый министр смогли в какой-то мере ослабить налоговый гнёт; войны прекратились, положение крестьянства стало лучше. Нантский эдикт предоставил некоторую автономию гугенотам, что вызвало злобу католической реакции. И 14 мая 1610 года, Генрих IV погиб от руки фанатика Равальяка.

Ввиду малолетства его сына Людовика XIII власть перешла в руки регентши — королевы Марии Медичи. Фактически за нее правили ее фавориты. Принцы и гранды своими притязаниями ввергли Францию в новые смуты. Правительство откупалось от аристократической оппозиции огромными субсидиями. Окончательное укрепление французского абсолютизма произошло только в годы правления кардинала Ришельё — в 1624 — 1642 первого министра Людовика XIII. Именно под его руководством было завершено построение новой государственной системы.

Armand-yeau du Plessis, duc de Richelieu (1586–1642 происходил из дворянской семьи. На 23 году жизни он стал епископом города Люсон в Пуату (Luçon). Он принимал участие в генеральных штатах 1614 года как один из депутатов духовенства. Уже в 1616 году он, он стал членом, а вскоре и председателем регентского совета; на время ссоры подростка с матерью Ришельё вместе с нею подвергся опале. Но уже в 1622 он стал кардиналом, в 1624 году он вошел в Королевский совет, где стал играть главенствующую роль, а с 1630 года кардинал Ришельё — первый министр Франции, оплот и отчасти даже теоретик абсолютизма.

Ришельё уничтожил протестантов как политическую силу (осада Ларошели и Монтобана), но подтвердил их религиозную независимость (l'édit d' Alais, 1629). Он рядом крутых мер усмирил грандов: процесс Шалэ, эдикты против дуэлей, казнь Монморанси — Бутвиля, Сен — Мара и де Ту.

Во внешней политике кардинал Ришельё долго лавировал между интересами католической церкви и интересами национальной государственности — то склонялся к союзу с габсбургской Испанией и папством (олицетворением этого курса был его советник, отец Жозеф,

капуцинский монах, прозванный с оттенком боязливой насмешки «Серым кардиналом»), то, стремясь ослабить Габсбургов, поддерживал субсидиями протестантских князей Германии.

«Австрийский дом», la maison d' Autriche, соединяя династическим блоком Испанию и Германскую империю, снова угрожал всей Европе.

В 1630 году кардинал Ришельё чуть не пал жертвой дворцовой интриги, инспирированной знатью, но король, уже понявший, что ему не обойтись без кардинала, поддержал его в критический момент. День 11 ноября 1630 года был назван la Journée des Dupes (День Дураков), т.к. враги Ришельё, в особенности королева-мать и королева Анна Австрийская, остались в дураках и полностью обманулись в своих надеждах: они ожидали падения кардинала. Вместо этого кардинал укрепился, а обе королевы были удалены.

В 1630 году внешнеполитическим колебаниям Ришельё пришёл конец: он принял решение ссужать протестантскую Швецию крупными ежегодными суммами для войны с германским императором. Тем самым, Франция тайно вступила в Тридцатилетнюю войну. Сначала Ришельё стремился не допустить окончательной победы Швеции или немецких протестантов. Однако в 1635 году крупные неудачи шведов заставили Францию открыто взяться за оружие и объявить войну императору.

Внутреннее правление ознаменовалось реформами в финансах, армии и законодательстве (кодекс Минью). Ришельё разбил знать и сломал привилегии провинций посредством административной централизации и учреждения интендантской службы. Друг литературы и сам писатель-дилетант, Ришельё основал Французскую академию.

Подлинное могущество Франции создал именно он. Этой базой широко воспользовался Людовик XIV, «Король-солнце».

Жизнь и труды Декарта

Из жизни Декарта

René Descartes = Renatus Cartesius

Декарт происходил из знатной туренской фамилии, он был seigneur de Perpon. В детстве он отличался слабым здоровьем и, казалось, развивался замедленно. Но из коллегии La Flèche он вышел вполне развившимся и зрелым человеком, с презрением к схоластической науке и с мечтами о реформе знания.

Он приехал в Париж и два с лишним года вёл светский образ жизни. Впрочем, говорят, что он провёл большую часть парижского периода в уединении, в предместье Сен-Жермен, скрываясь от знакомых и занимаясь математическими проблемами музыки.

В 1617 Декарт по желанию семьи поступил на военную службу, где с большими перерывами находился до 1628 года. Внешне это время — типичная жизнь авантюриста. Сначала Декарт под предводительством Морица Нассау¹, правителя Нидерландов, сражался за неза-

¹Мориц Нассау (1567–1626) — штатгальтер Нидерландов, сын штатгальтера Вильгельма I Нассау. Мориц в 1619 казнил великого пенсионария Голландии, Яна ван ОлденБарневельдта, которому было 70 лет и который был одним из основателей республики Соед. Провинций. Мориц успешно боролся против Испании.

висимость этой страны от Испании. С 1619 Декарт принимает участие в Тридцатилетней войне под знамёнами Католической Лиги.

Он служил в баварском войске и, наконец, в имперском. Участвовал в нескольких походах и сражениях. Позднее участвовал в войне против гугенотов.

Всё это время Декарт пользовался своими досугами для занятий математикой, физикой и философией, избегая общества, часто скрываясь даже от друзей и более интересуясь вопросом о критериях истинного знания, чем политическими и военными успехами.

Насколько ему мучили научные сомнения, видно из того, что ещё во время военной службы он дал обет совершить «пелеринаж» в Италию, на поклонение лоретской Мадонне, если ему удастся избавиться от этих терзаний и открыть критерий достоверности. В 1623 году Декарт исполнил этот обет.

[Лоретто — итальянский городок в провинции Анкона, известный «домом святой Девы», который якобы чудесно перенесён сюда ангелами. Этот домик стал объектом паломничеств.]

В 1628 году Декарт оставил военную службу, с 1629 года поселился в Нидерландах, где провёл 20 лет с некоторыми перерывами: путешествия в Англию, Данию и Норвегию. За время пребывания в Нидерландах он 24 раза менял место пребывания, чтобы его не беспокоили в научных изысканиях. Он не очень-то любил адаптироваться к одной и той же, определённой среде: он предпочитал уходить, увозя свою скорлупу на себе.

Регулярную переписку он поддерживал только с другом молодости Мерсенном, который корреспондировал с учёными всей Европы. Замкнутость и осмотрительность характерны для Декарта.

Осенью 1634 года один из голландских друзей Декарта предоставил в его распоряжение на 30 часов запрещённый церковью «Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевой и коперниковой», написанный Галилеем. Прочтя «Диалог», Декарт в тот же день написал Мерсенну во Францию:

«Без сомнения, Вы знаете, что Галилей недавно наказан инквизицией и его воззрения относительно движения Земли осуждены как еретические. Я же Вам скажу, что всё то, что я изложил в моей книге, представляет одну цепь, в которой это воззрение о движении Земли составляет одно из звеньев, а то означает, что если в строе моей теории есть что-либо ложное, то тогда все доказательства неправильны. . .

Это меня настолько потрясло, что я чуть не решил сжечь все мои бумаги или, по крайней мере, не показывать их ни одному человеку. . .

Я ни за что не хочу издавать сочинение, в котором самое малейшее слово могло бы не понравиться церкви. Поэтому я лучше скрою его, чем выпущу в искажённом виде»

[Он говорит о своей книге «Трактат о мире», над которой работал около 4 лет.]

«Я имел намерение включить в мой трактат всё, что считал до его написания известным мне о природе материальных вещей. Но совершенно подобно художникам, которые, не имея возможности одинаково хорошо представить на плоской картине все различные стороны телесного предмета, выбирают одну из главных сторон и одну лишь её ставят на свет,

а остальные затемняют и показывают лишь настолько, насколько их можно видеть, когда смотрят на предмет, — так и я, опасаясь, что не буду в состоянии изложить в моём трактате всё, что имел в мысли, решил рассказать подробно лишь о том, что знал о свете. Затем по поводу его прибавить кое-что о Солнце и звёздах, т. к. они передают свет; о планетах и Земле, т. к. они отражают его, и в частности о всех телах, находящихся на Земле, т. к. они бывают или цветными, или прозрачными, или светящимися; и, наконец, о человеке, так как он является их зрителем».

Речь в трактате «Мир, или О свете» шла также о возникновении и развитии вселенной, о возникновении и развитии солнечной системы, об обращении планет вокруг Солнца или собственной оси. Но после осуждения Галилея Декарт решил трактат не публиковать, никому не показывать, надёжно спрятать. Он оговорил в завещании, что разрешает своим наследникам печатать трактат только через 100 лет после смерти.

Был ли Декарт Трусом? Он жил в Нидерландах и мог не опасаться инквизиции. Он был человеком не робкого десятка. Однажды, ещё в бытности офицером голландской армии и возвращаясь из Голландии во Францию на корабле, он услышал, что матросы решили ограбить его и убить. Бандиты совещались открыто, думая, что француз не понимает их. Но Декарт всё понял и, пустив в ход шпагу, заставил капитана причалить к берегу. И до и после этого он не раз дрался на дуэлях, из которых неизменно выходил победителем (он превосходно фехтовал). Его не страшила опасность. Он боялся, что лишится покоя и досуга. Он уважал церковь, не любя её. Он всю жизнь стремился быть добрым христианином, хотел сократить дружеские отношения с иезуитскими богословами, которые были его учителями в коллегии Ла Флеш. Он пытался сохранить связи с Сорбонной, втайне надеясь, что его философия будет включена в курс преподавания. Он давно поставил себе за правило не вмешиваться в общепринятый порядок и верования. Он видел смысл жизни в том, чтобы в нерушимой тишине и уединении заниматься наукой.

По утрам Декарт 2–3 часа оставался в постели, предаваясь размышлениям. Затем вставал и до обеда занимался опытами и наблюдениями. Оставшееся время посвящал письмам, работал в саду и огороде. Он придерживался овощной диеты. Иногда в шутку, а иногда всерьёз он убеждал друзей, что проживёт благодаря диете сто лет.

История испорченного флакона

Декарт жил в Голландии. Однажды среди своих вещей он случайно нашёл старый серебряный флакон, донышко которого было продырявлено остриём шпаги.

Декарт не помнил, когда это случилось. Может быть, в рукопашной схватке на войне, а может на дуэли в дни его безрассудной молодости. Но это не важно.

Удивительно то, что из заткнутого пробкой дырявого флакона духи не выливаются, но стоит вынуть пробку — выливаются, какая тому причина?

Жидкость граничит только с воздухом. Неужели воздух оказывает давление и задерживает жидкость в маленьком отверстии? Другое дело, когда отверстие большое: тогда

в соприкосновение входит большая поверхность жидкости, вес жидкости превосходит давление воздуха и жидкость выливается. А когда пробка вынута, рассуждает Декарт, воздух давит и сверху (через горлышко), и снизу (через маленькую дырочку). Но горлышко больше, отсюда давление сильнее.

А если воздух давит, значит, он - имеет вес? Знаменитый опыт Торичелли будет поставлен только через 12 лет, а Декарт уже сообщает в письме аббату Мерсену об интересном открытии: воздух давит — имеет вес. Воображение Декарта рисует ему картину земного шара, окутанного воздушной оболочкой. Пожалуй, её легче всего представить себе в виде массы шерсти ли волоса — более плотной у поверхности Земли, а чем выше, тем более тонкой, разреженной.

Надо было бы это открытие подкрепить опытом. Например, измерить давление у подножия высокой горы и на её вершине. Наверху оно должно быть меньше.

Но Декарт живет в Голландии — стране плоской, равнинной. Здесь не поставить такого опыта, и Декарта отвлекают другие дела, другие мысли.

Проходят годы, и слава Торичелли достигает Голландии. Тогда-то Декарт вспоминает о дырявом флаконе.

Кому бы поручить давно задуманный опыт? Декарт мысленно перебирает своих друзей и останавливается на юном математике из Клермон-Феррана по имени Блез Паскаль.

Паскаль польщен предложением знаменитого Декарта и, запасшись трубкой Торичелли, выбирает самую высокую из гор своего родного края — Пюи де Дом (4465 метров над уровнем моря).

Подъём нелёгкий. Паскаль поднимается осторожно, сверяясь с предсказаниями своего барометра и внося цифру за цифрой в свою записную книжку. Радость его возрастает, ибо по мере подъёма ртуть в трубке неуклонно понижается.

Паскаль достигает вершины. Победа! Столбик цифр, записанных им, подтверждает гипотезы Торичелли и Декарта. Слой воздуха над вершиной горы тоньше, чем у её подножия; он оказывает меньшее давление на поверхность ртути, и поэтому большая часть жидкости выливается из барометрической трубки.

Значит, степень разрежения воздуха можно измерять высотой ртутного столба.

Паскаль заключает: похоже, что законы давления жидкости, известные со времен Архимеда и развитые голландцем Симоном Стевином, во многом справедливы и для воздуха.

Каков вес воздушного океана? С какой силой воздух давит на тело человека? Площадь поверхности человеческого тела известна, и Паскаль берётся за расчёты. Он получает 10 тонн! (Конечно, в других мерах веса).

Паскаль сокрушается, что с его трудом уже не может ознакомиться Эванджелиста Торичелли. Он умер год назад (в 1647 году).

Открытие Паскаля горячо обсуждают другие учёные. Крупнейшие авторитеты эпохи восхищены.

Только один человек, прочитав сообщение Паскаля, с негодованием отбрасывает книгу.
Это Декарт.

Паскаль ни единым словом не обмолвился о том, кто натолкнул его на мысль произвести замечательный опыт.

До последнего дня своей жизни Декарт больше не захочет слышать имени Паскаля.

Декарт известен своей скромностью. В его надгробной надписи сказано: «Восстановив с основания философию, открыв смертным к проникновению путь новый, верный и прочный, он одно оставил неизвестным: скромности в нём было больше или знаний. . . »

Но при всей скромности Декарт не прощал пренебрежения к себе. Не простил он и Паскаля.

Рене Декарт

(Cartesius, 1596 — 1650)

René Descartes род. в местечке La Haye на реке Крёзе (La Creuse). Ныне это центр кантона в Лошском округе департамента Экр-э-Луар. Тогда это была маленькая деревушка в Турени, носившая гордое имя голландской столицы (La Haye = Гаага).

Ещё в детстве Рене Декарт проявляет такой интерес к зрелищу мира, задаёт и обдумывает столько вопросов обо всём, что отец называет его «мой философ».

С восьми лет Рене Декарт учится в знаменитом иезуитском коллеже Ла Флеш, основанном Генрихом IV [Ла Флеш — городок в Мэне, где позже был создан известный на всю страну Пританей — военная школа.] Он показывает себя учеником блестящим, но задумчивым.

Он очень скоро понял, что уроки его учителей не основаны ни на какой достоверной истине и что изучение философии не имеет совершенно никакого отношения к изучению действительности. Одна только математика выглядела наукой, которую регулируют достоверные и очевидные доказательства.

[В 1861 году Франсуа Равайяк убил кинжалом Генриха IV (за что был в том же году четвертован). На престол взошёл малолетний Людовик XIII под регентством Марии Медичи. Королева-мать препоручила бразды правления жадному и бездарному итальянскому авантюристу Кончино Кончини (маршал д'Анкр). Он и его жена Элеонора Галигам имели громадное влияние на Марию Медичи.]

Неожиданно в возрасте 16 лет Декарт решает рассматривать всё, что объясняли его учителя, и всё, что люди думали до него, — как не имевшее места.

Он бросает книги и посвящает себя физическим упражнениям. Верховая езда и особенно фехтование — его излюбленные занятия. Он, который позже будет признаваться в своей скуке при написании книг, вступает в спортивную литературу маленьким трактатом о фехтовании. Его бравый отец вызывает Декарта в Париж pour le faire connaître le monde.

Декарт приезжает в столицу молодой, состоятельный, в блеске всего своего ума и дарований. Он завязывает дружбу с господином Мидоржем, «первым математиком Франции»,

и своим бывшим товарищем по колледжу Ла Флеш — отцом Мерсенном, который станет поверенным его мыслей¹. Но это не всё. Декарт посещает молодых либертенов, играет, развлекается, свободно и беспечно. Проведя таким образом несколько месяцев, он покидает Париж, чтобы начать тёмное существование в университете Пуатье, где заканчивает юридический факультет, и думает в возрасте 21 года о вступлении в военную службу, как это постоянно делало в их семье.

[В 1617 ненавистный итальянский временщик маршал д'Анкр был убит по приказу юного короля Людовика XIII, который действовал по советам Шарля Альбер-де-Люиня; Галиган (настоящее имя Леонора Дори), флорентийка, фаворитка королевы-матери, поделила падение мужа и была сожжена как колдунья.]

Декарт становится военным. Уже в 1618 году знаменитой пражской дефенестрацией¹ началась Тридцатилетняя война. Декарт обошёл пол-Европы. Бесполезно следить за всеми его военными странствиями. В возрасте 23 лет, в момент почти сверхъестественного озарения, он задумывает проект восхитительной науки. Удивительное дело в таком строгом логике — идея о новом методе направлять разум пришла к нему во все. В ночь 10 сентября 1619 года бледного, изнурённого Декарта, с воспламенённым умом, посетил некий дух, указавший ему путь истины и озаривший его весьма таинственными мифами.

Ранний период Декарта проходил в кипении активной жизни, когда молодой философ, очищая свой молодой мозг от загромождавшего его хлама, смело отправился за истиной в «большую книгу мира» (le grand livre du monde). За этим последовал более спекулятивный период.

Начальная черта его гения — он вышел примерно из того пункта, где остановился Монтень.

Прежде чем достигнуть мудрости, которая выразилась в 3-й книге «Опытов», Монтень прошёл через двойной кризис: «кризис стоический», в основном книжного происхождения, и кризис скептический, который освободил его от заёмной философии и раскрыл ему недостатки чистой теории. В остальном мысль Монтеня движется через долгие нащупывания, она не шествует без колебаний, не боится оглядываться, она есть плод опыта (expérience), никогда не устающего осуществляться, особенно в себе самом.

Но Декарт пойдёт дальше. Он хочет, вместо простой индивидуальной мудрости, основанной на приблизительных усмотрениях, построить безошибочный метод для того, чтобы «хорошо вести свой разум и искать истину в науках».

Царица наук для него — математика. Четыре правила арифметики восхищали его своей незыблемостью. Он хотел добиться, чтобы философия строилась так же точно и доказательно. Он создаёт систему рационализма.

¹Claude Mydorge (1585–1647) — математик и физик, друг Декарта, автор трактата о конических сечениях. Le Pere Marin Mersenne (1588–1648) — франц. учёный, род. в La Soutiere (ныне деп. Сарт), друг и корреспондент Декарта и многих др-х учёных, автор de l'Harmonie universelle.

¹После того, как император Матиас нарушил религиозные права чешских протестантов, Прага взбунтовалась, и два имперских чиновника были выброшены чешскими мятежниками из окон дворца, где находилась имперская администрация Богемии (Чехии).

В 1621 умер Шарль д'Альбер де Люинь, коннетабль Франции. Наступили смутные годы, ознаменованные новыми мятежами знати, которую поддерживала королева-мать, и новой религиозной войной во Франции (осада Монтобака, 1621)

В 1621 люсонский епископ Ришельё стал кардиналом, а в 1624 премьер-министром. Он начал строить абсолютную монархию, в борьбе против королевы-матери, Гастона Орлеанского, высшей знати, гугенотов и Австрийского дома.

В 1629 он успешно завершил внутреннюю войну — с гугенотами. В том же году Рене Декарт оставил службу в армии и королевство. В возрасте тридцати трёх лет он поселяется в Голландии.

В этой стране, где его никто не знает, где он не понимает языка народа и где местные жители, занятые только торговлей, делают свои состояния, не обращая внимания на ближнего, и заполняют рынки богатыми привозными продуктами, Декарт думает прожить в своё удовольствие, без постоянного беспокойства от докучливых бездельников или друзей.

Философия Декарта связана с его математикой, космогонией и физикой. В математике он явился одним из создателей аналитической геометрии. В механике он указал на относительность движения и покоя, сформулировал общий закон действия и противодействия, а так же закон сохранения полного количества движения, при соударении двух неупругих тел. В космогонии он развил новую для науки идею естественного развития солнечной системы; основной формой движения космической матери, движения, обуславливающего строение мира и происхождения небесных тел, он считал вихревое движение её частиц.

В зависимости от математический и физических исследований Декарта строилось его учение о материи, или о телесной субстанции. От отождествил материю с протяжением, или пространством: только протяжение не зависит от субъективности и обусловлено необходимыми свойствами телесной субстанции.

Однако в материалистическую физику Декарта вторгается дуализм: общая причина движения есть бог, он сотворил материю вместе с движением и сохраняет в ней одно и то же количество движения и покоя.

Декарт нанёс последний, решающий удар схоластике, противопоставил абстрактным, религиозным, «абсолютным» идеям метод опыта и исследования: «Pour atteindre a la vérité, il faut une fois dans sa vie se défaire de toutes les opinions que l'on a recues et reconstruire de nouveau, et dès le fondement, tous les systèmes de ses connaissances».

Чтобы управлять своим собственным существованием, он установил принципы диаметрально противоположные тем, которым он подчинил своё мышление. В философии Декарт отказывается принимать до экзамена всё, что мыслилось до него. Но в обычном поведении, в повседневных поступках — всё наоборот! Его основная идея в том, что он испытывает потребность жить как можно более счастливо, и поэтому он решает, что следует: 1) повиноваться законам и обычаям страны, где живёшь, и предписаниям религии, в которой воспитан; 2) быть твёрдым и решительным в собственных действиях и следовать до конца принятым мнениям, даже самым сомнительным, соответственно принципу путников, за-

блудившихся в лесу; 3) побеждать самого себя прежде, чем судьбу, и изменять собственные желания прежде, чем устройство мира (*orde du monde*). Итак, будем жить в спокойствии. Ибо Декарт превыше всего желал жить в мире, чтобы ничто и никто не мешал ему в работе его мысли. Он хотел быть зрителем, а не актёром в «комедии мира», и этим напоминает Монтеня.

В Голландии он пишет, не публикуя, различные произведения: «*Regulae ad directionem ingenii*», «Медитации» и «Трактат о мире» (*Traité sur le Monde*), который он, уже отдав в печать, забирает из типографии в 1633 году. Почему? Да потому что совсем недавно разыгралась драма отречения Галилея. Суд инквизиции в Риме призвал его доктрину еретической и запретив Галилею её проповедовать; великий учёный обещал всё, что от него хотели, но по возвращении во Флоренцию собрал в одной книге все доказательства истинности его системы. Эта книга, «Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевой и коперниковой», вышла в 1632 и привела в ярость святую церковь. В 1633 году Галилей был вынужден на коленях отречься перед Инквизицией от своих прегрешений и заблуждений: иначе ему грозили более суровые репрессии. Услыхав об этом, Декарт немедленно забрал из типографии свой «*Traité sur le Monde*», основанной на идее движения Земли. Декарт не хочет иметь ни малейших неприятностей с церковью.

Впоследствии, когда этот трактат Декарта был опубликован, в нём прочли такое «компромиссное» положение: «Земля не движется, но вовлечена в движение коловоротными вихрями».

Декарт писал и выжидал, не слишком торопясь с публикацией. Он уединенно работал в своей голландской изоляции, жил, запершись dans «son poêle»¹ (то есть под покровом, в укрытии). Писал он по-латыни, которая служила тогда всем учёным Европы безотказным эсперанто.

В своей «Геометрии» Декарт заложил основы аналитической геометрии; впервые широко использовал представление о переменной величине в своих математических трудах. Он же ввёл многие из применяемых ныне алгебраических обозначений.

В 1637 году, вместе с «Диоптрикой», «Метеорами», «Геометрией», Декарт решился опубликовать своё пространное «Размышление о методе» (*Discours de la Méthode pour bien conduire sa raison et chercher le vérité dans les sciences*). Эта книга заменовала новую эпоху в мировой философии.

«Рассуждение о методе» (1637)

В этой книге, отвергнув авторитеты схоластики, Декарт подвергает все вещи методическому сомнению, реконструирует заново науку, исходя из принципа «*Cogito, ergo sum*» и устанавливает четыре правила, необходимые для того, чтобы привести к успешному результа-

¹Le poêle = 1) пуаль, покров, к-рый некогда держали над головами брачующихся во время благословения; 2) печка для обогрева, неподвижная или подвижная; 3) балдахин или гробовой покров; 4) на севере Франции «пуаль» — это комната, к-рая всегда содержит большую фаянсовую печку (poêle).

ту всякое рассуждение. Декарт при этом раскрывает механизм собственной мысли. Книга имела огромный резонанс в Европе и особенно во Франции, наиболее подготовленной к восприятию идей Картезия.

Сделав разум средством познания, подвергнув всё его экзамену, выдвигая сомнение намного более систематическое, чем у Монтеня, Декарт нанёс сильный удар всем догмам, которые требуют нерассуждающей веры, *la for spontanée*, и проложил дорогу для философов XVIII века. В «Рассуждении о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках» он призвал людей науки освободиться от предвзятых, старых воззрений, от слепой веры в авторитеты.

Декарт — великий мастер непочтительности, и всё, что он написал, скреплено той высокомерной иронией, из которой позже многое позаимствует Вольтер. Автор «Рассуждения о методе» не ограничивается разрушением труда философов, показом того, что случайно в воззрениях Платона и Аристотеля, но и смеётся над этими ошибками: это было полезно, чтобы вместо кумиров сделать из них просто людей. Трудно не заметить глубокой иронии в первой фразе «Рассуждения»: «Здравый смысл — это вещь, наилучшим образом раздёлённая в мире: поэтому каждый думает, что наделен им так же хорошо, как и те, которым труднее удовлетвориться чем бы то ни было, кроме постоянного желания иметь его больше, чем у них есть.»

В своём презрении к учёным (и к человечеству вообще?) Декарт требует, чтобы ему предоставили трудиться в одиночку. Есть одна страница в «Рассуждении», где автор поясняет, что великие дела всегда совершаются одним человеком. Так что ему не нужна никакая помощь, никакая поддержка. Только Декарт способен установить философию Декарта, ту, которую он нашёл «в себе самом или в большой книге мира».

По Декарту, процесс познания должен начинаться с сомнения, с критической проверки достигнутого. Необходимо усомниться во всём наличном существовании. Но сомнение — не убеждение в непознаваемости всего сущего, а приём для нахождения безусловно достоверного начала знания. Таким началом Декарт считал положение «*Cogito, ergo sum*» («Я мыслю, следовательно я существую»). Исходя из этого положения, Декарт выводил существование бога, а затем убеждение в реальности внешнего мира.

Декарт был непоследователен. Из старой философии он взял учение о боге как общей причине движения, доктрину о «врождённых идеях», восходящую к Платону, и проч.

В аристотелевской логике Декарт усматривал немало верных и очень хороших правил, но к ним, как он считал, примешано много вредных и излишних. Так, силлогизмы более объясняют то, что нам уже известно, чем то, что надо бы знать. Вместо большого числа правил старой логики Декарт предложил четыре своих правила: 1) принимать за истинное очевидное; 2) дробить целое на части; 3) изучение начинать с простейшего и мельчайшего и 4) ничего не упускать.

Ясность и раздельность — вот критерии истины, а ведут к истине интуиция, дедукция, индукция, сравнение и аналогия. Но Декарт переоценил значение дедукции (выведения)

в ущерб индукции (наведению). В дедукции, основанной на интуитивно постигаемых аксиомах, он видел главный метод доказательства.

Рационализм Декарта сложился в результате одностороннего понимания логического характера математического знания. Так как всеобщий и необходимый характер математического знания казался Декарту вытекающим из природы самого ума, то он и отвёл в процессе познания исключительную роль дедукции, основанной на вполне достоверных, интуитивно постигаемых аксиомах. Учение Декарта о непосредственной достоверности самосознания (Cogito, ergo sum) оказало влияние на последующую идеалистическую философию, как и учение о врождённых идеях (innéité des principes rationels), к которым он относил идею бога, духовной и телесной субстанции.

Таким образом, если в физике Декарт был механическим материалистом, то в теории познания он — идеалист-рационалист.

Дальнейший путь Декарта

В 1641 выходит в свет (тоже на латинском языке) трактат «Размышления о первичной философии» («Meditationes»)¹, развивающий основные положения «Рассуждения о методе». В 1644 философ издаёт «Начала философии» («Principia philosophiae»).

Имя Декарта становится известным. Ему приходится время от времени появляться при дворе в Гааге и даже завязать сношения и переписку с некоторыми коронованными особами. Его учение приносит ему славу вопреки его желаниям.

Именно в нидерландских университетах впервые появляются ученики Декарта и создаётся картезианская школа; появляются и ожесточённые противники. В университетах началось движение, борьба партий. Протестантское духовенство враждебно относится к Декарту.

Он уже предвидит клеветы, доносы, судебные процессы. Всё это ему чрезвычайно не нужно. За 20 лет жизни в Нидерландах Декарт 24 раза менял место пребывания. В конце концов, вызвав против себя гнев голландских богословов и негодование магистратов города Утрехта, философ воспользовался приглашением шведской королевы Христины, звавшей его в Стокгольм для основания Академии Наук; кроме того Христина хотела изучать философию под его руководством. В 1649 году Декарт прибыл в Швецию; не сумев освоиться с её суровым климатом, он через несколько месяцев умер от сильной простуды (11 февраля 1650).

В 1650 (или 1649) вышел последний труд Декарта — «Трактат о страстях души». Это произведение любопытное, подчас прустиянское, подчас испорченное физиологией — неизбежно ребяческой. Декарт предложил теорию животных-машин. Поведение животных объясняется механически, совершенно так же, как движения тех «автоматов», которых французы привезли из итальянских войн и которые так забавляли больших сеньоров в эпоху

¹Meditationes de prima philosophia

Декарта. У животных нет души. Человеку же Декарт приписывал мыслящую нематериальную душу рядом с механическим телом. Pour Descartes, l'homme est double: он есть душа, т. е. Сознательная мысль, и тело, т. е. fragment de l'étendue (кусочек протяжённости). Всё, что во мне ускользает от сознания, принадлежит телу и объясняется через механизмы. В конечном счёте, можно сказать, что у Декарта нет психологии, но есть, с одной стороны метафизика мысли, а с другой — физиология страстей.

Декарт исследует страсти, к-рые мы испытываем с самого своего рождения, обнаруживает существование любви, радости, печали и ненависти, и его объяснение выглядит весьма смелым, чтобы не сказать — фантастическим.

В человеке, по Декарту, реально связаны бездушный телесный механизм с волящей и мыслящей душой. Разнородные тело и душа взаимодействуют посредством особого органа — так называемой пищевидной железы. («Главное местообразование души — желёзка, которая находится посреди мозга», утверждает Декарт).

Декарт установил схему двигательных реакций, представлявшую одно из первых научных описаний рефлекторного акта. В «Трактате о страстях» Декарт случайно предвосхищает учение об условных рефлексах. Ещё много раньше, 18 марта 1630, он писал Мерсенку: «Si on avait bien fouetté un chien cinq ou six fois au son du violon, sitôt qu'il ouïrait une autre fois cette musique il commencerait à crier et à s'enfuir».

Материалистич. физиология Декарта выступала в противоречивом сочетании с учением о нематериальности души: сущность тела в протяжении, сущность души в мышлении. Постоянный дуализм Декарта.

«Трактат о мире» («Le Monde», как его обычно называют) был издан посмертно. В 1701 впервые были опубликованы «Правила для руководства ума».

Вместе с Френсисом Бэконом Декарт видел конечную задачу знания в господстве человека над силами природы, в открытии и изобретении технических средств, в познании причин и действий, в усовершенствовании природы человека.

Декарт заложил в «Рассуждении о методе» философские основы эстетики классицизма. Он говорит об искусстве: «Изящество и изысканность в нём блещут, как красота идеально прекрасной женщины, красота, заключающаяся не в блеске какой-либо отдельной части, но в совершенстве гармонии всех частей, вместе взятых, так чтобы ни одна часть не преобладала над другой из опасения, что пропорция, не будучи соблюдена, нарушит тем самым совершенство целого».

В целом картезианская эстетика, созданная уже после Декарта, явилась эстетикой классицизма и служила искусству абсолютной монархии в пору её расцвета. Это эстетика разума и меры.

Эстетика Буало проникнута рационализмом: прекрасное для него тождественно разумному, и единственно достоверным методом познания он вслед за Декартом считал рационалистическое обобщение.

18 декабря 1649 года Декарт писал из Стокгольма в Париж: «У меня также впечатление, что многие люди замерзнут здесь зимой, так же как и вода. Это не моя стихия. . . »

После этого письма он прожил меньше двух месяцев.

Королева Христина стала ученицей знаменитого философа Путь из французского посольства в Стокгольме, где жил Декарт, до дворца королевы Христины был долгий. Первые уроки он начал давать Христине зимой. Занятия начинались в 5 часов утра, поэтому Декарт вставал затемно, отказавшись от многолетней привычки валяться по утрам в постели. В лютый холод тащился по безлюдным улицам Стокгольма в посольской карете. В одну из таких поездок Декарт простудился. Неск-ко дней он не звал к себе врача, надеясь, что болезнь пройдёт сама собой. Но потом выяснилось, что это не простое недомогание, а воспаление лёгких в опасной форме.

Королева прислала к нему немецкого врача Вуллена. Декарт встретил его враждебно и, пока Вуллен осматривал его, издевался над его тупостью. — Надо пустить кровь, г-н Декарт, — сказал Вуллен. — Нет уж, избавьте, г-н Вуллен, — ответил Декарт. — Французскую кровь надо беречь.

Он умер на 54-м году жизни. Присутствовавшие при его кончине слышали, как он сказал: — Пора в путь, душа моя.

Его похоронили в Стокгольме. В 1666 прах Декарта был перевезён в Париж.

Рене Декарт (Rene Descartes, латинизированное Cartesius, Картезий, 1596–1650 гг.) — выдающийся французский философ, физик, математик и физиолог. В своей физике Декарт защищал положения о материальности и бесконечности Вселенной, о неуничтожимости материи и движения. В борьбе со схоластикой Декарт применил механико-математические принципы к объяснению не только мёртвой, но и живой природы. Декарт считал математику идеалом и образцом для всех других наук. В теории познания Декарт стоял на позициях рационализма и разрабатывал дедуктивный метод познания. Усматривая критерий истины в ясности и отчётливости знания и трактуя человеческий интеллект в отрыве от материального мира, Декарт пришёл к неправильному идеалистическому выводу о внеопытном происхождении математических и метафизических понятий, об их «врождённом» характере. Крайний механицизм породил у Декарта резкое противопоставление материи и сознания, дуалистическое понимание мира. В математике Декарта заложены основы аналитической геометрии («Геометрия, 1634), впервые широко использовано понятие о переменной величине, введены многие из применяемых ныне алгебраических обозначений. Основные сочинения: «Метафизические размышления» (1641), «Начала философии» (1644).

Картезианцы — последователи философского учения Картезия, т. е. Декарта. Французское название картезианской философии — *cartésianisme*.

Дуализм — противоположное монизму философское направление, признающее существование двух независимых друг от друга начал — духа и материи. Виднейший представитель

дуализма в истории философии — Рене Декарт. Материалистическая теория в корне отрицает дуализм.

Декарт — физик и физиолог.

Карл Маркс: «В своей физике Декарт уделил материи самостоятельной творческой силой и механическое движение рассматривал как проявление жизни материи. Он совершенно отделил свою физику от своей метафизики. В границах его физики материя представляет собой единственную субстанцию, единственное основание бытия и познания».

Изучение физики для Декарта должно быть направлено на то, чтобы сделать людей «господами и хозяева природы». Этого можно достичь, применив к физическому исследованию методы математики, наиболее совершенной из известных ему наук. Декарт поставил себе задачей математизацию физики, точнее ее геометризацию по типу евклидовой геометрии: небольшое число самоочевидных аксиом, на которые опирается упорядоченная последовательность выводов, обладающих той же степенью достоверности, что и первичные аксиомы.

Декарт кладет в основу своего рассмотрения лишь две сущности- протяженность и движение, которые представляются ему интуитивно понятными. Будучи убежден в невозможности существования пустоты в природе, он наполняет протяженность «тонкой материи», которую бог наделил непрерывным движением.

Итак, физический мир состоит из двух сущностей: материи, то есть простой «протяженности, наделенной формы» (последний имеет только геометрические качества), и движения. Следовательно, достаточно установить законы движения, чтобы затем через ряд теорем вывести законы чувственного мира.

В трактате «Мир» Декарт не упоминает об относительности движения. Но в «Principia philosophiae» (1644) он, возможно под влиянием галилеева «Диалога о двух главнейших системах мира», принимает принцип относительности, делая всё же для осторожности ряд оговорок, позволяющих ему формально не вступать в противоречие с положением о неподвижности Земли, навязанным св. Писанием. Но если бы страх перед инквизицией не заставлял его скрывать свои мысли, Декарт дал бы более широкое понятие относительности, чем Галилей. Действительно, Галилей, а позже Ньютон верили в абсолютное движение по отношению к пространству, тогда как Декарт утверждал относительный его характер. В частном письме он заявлял:

«Если из двух человек один движется с кораблём, а второй стоит неподвижно на берегу ... , то нет никакого преимущества ни в движении первого, ни в покое второго».

Декартова механика основана на трёх законах. Два первых охватывают то, что сейчас называют принципом инерции. Третий закон утверждает постоянство количества движения. «Во всей материи есть известное количество движения, которое остаётся постоянным». Количество движения — это произведение массы тела (которую Декарт путал с весом) на его скорость. Декарт полагает также количество движения равным произведению приложен-

ной силы на время её действия и называет это произведение импульсом силы; это название сохранилось в науке и сейчас в том же значении. Третий закон Декарта является по существу центральным пунктом его механики. То, что Декарт сумел выделить его и положить в основу своей механики, говорит об огромной интуиции учёного.

К сожалению, в формулировке этого закона Декарт допускает ошибку, весьма странную для геометра его масштаба. Он не учитывает, что поскольку скорость является вектором, т. е. Величиной, имеющей направление и ориентацию¹, то и количества движения являются векторами, так что их суму нужно понимать в геометрическом, а не в алгебраическом смысле. Таким образом, формулировка 3-го закона ошибочна. Отсюда неверность выводимых из него 7 правил (за исключением первого), образующих декартову теорию соударения упругих тел.

Некоторые случаи соударения, исследованные Декартом, легко проверить. Так, 4-е правило гласит, что если неподвижное тело испытывает центральное соударение с другим телом меньшей массы, то оно остаётся неподвижным, тогда как движущееся тело меняет направление скорости на обратное с сохранением абсолютной величины скорости. Ошибочность этого правила легко проверить на бильярдном столе. И Декарт действительно проверил это. Он установил на опыте неверность своих правил. Но он слишком доверял своему разуму, своим «ясным и чётким идеям». Опыт опровергает теоретические построения? Тем хуже для опыта. Декарт с уверенностью заявляет: опыт не удаётся потому, что эти правила предполагают, «что тела идеально тверды и настолько удалены от всех остальных тел, что ни одно из этих тел не может способствовать или препятствовать их движению».

Установив законы движения, Декарт в трактате «Мир» и в «Началах философии» начинает свой космологический роман, объясняя образование Солнца, планет, комет. Наконец, он спускается с неба на Землю и устанавливает, что тонкая материя обладает тремя действиями: светом, теплом и тяготением. Этим он создаёт основы учения о флюидах, которое господствовало в физике почти 200 лет. Эти удобные флюиды, которые, как добрые гномы, готовы к услугам в самых трудных случаях и скромно действуют в тайне от наших чувств, не являются ли они частичного возврата к оккультизму?

Но нужно помнить, что представление о флюидах оказало физике громадные услуги, особенно в оптике и теории электричества. Имеется в виду научная концепция, временное модельное представление, инструмент механистической философии, но не конкретные флюиды, введенные Декартом, как, например, его магнитный флюид, состоящий из 2-х типов частиц спиральной формы с тремя витками, навитыми в противоположные стороны. С его помощью Декарт дал ответы на 34 вопроса, которые можно, по его мнению, задать о магнетизме. Всё это говорит о большом искусстве, но не имеет ничего общего с подлинным магнетизмом.

Совсем иную роль сыграло декартово понятие тяжести. По Декарту, каждое тело находится в вихре и окружено в свою очередь другими вихрями, которые прижимают его

¹Декарт это знал, хотя и в иных терминах

к центру. Это стремление к центру и составляет вес тела, то есть его тяжесть. Если бы Галилей это знал, сказал Декарт в известном письме к Мерсенну, ему не нужно было бы строить безосновательную теорию падения тел в пустоте.

Письмо Декарта (уже упоминавшееся выше) содержит резкую критику "Беседы касательно двух новых отраслей науки" Галилея и демонстрирует различие мышления обоих учёных: для Декарта физика должна искать ответ, почему происходят явления, для Галилея — исследовать, как они происходят. Поиски причины — цель Декарта, описание явлений — цель Галилея. В вопросе падения тяжёлых тел Декарт не соглашался с законами Галилея и не понимал их, — в частности потому, что его кинематике было чуждо понятие ускорения.

Вес, как и любую силу, Декарт понимал как реакцию связей геометрического типа. Это — свойство движения тонкой материи. Так что, отождествляя её с пространством и пользуясь более современной для нас терминологией, можно сказать, что вес есть свойство пространства. Но к такому пониманию картезианство никогда не склонялось и потому пало, побеждённое сторонниками ньютонова притяжения, несмотря на защиту Гюйгенса и Лейбница, которые обратили внимание на то, что ньютоново понимание притяжения как силы, заключённое в теле, представляет собой неявное возвращение к оккультным свойствам схоластики.

Декартово понимание физики механистично. Но понимание Галилея и Ньютона тоже было механистичным. У них разный механицизм. Для Галилея и Ньютона сила — это физическая реальность, не сводимая к свойствам пространства и движения. Для Декарта сила — это свойство пространства. Динамизм Ньютона в крайних выводах приводит к "исчезновению" материи.

Но механицизм Декарта противостоит также и атомизму, ибо Декарт отождествлял вещество с притяжённостью.

Кеплером была построена элементарная геометрическая оптика, но в ней не хватало одного основного закона — закона преломления. За это взялся Декарт. В 1634 он публикует знаменитый труд «Discours de la Methode pour bien conduire sa raison et chercher la vérité dans les sciences. Plus la Dioptrique, les Meteores et la Geometrie qui sont des essais de cette Methode». Первая глава »Диоптрики« носит название »О свете«, но она очень темна и путанна. Учёные позже говорили, что Диоптрика», данная Декартом как пример применения его метода, есть как раз свидетельство несостоятельности последнего. Пожалуй, этот вывод чересчур резок.

В рассмотрении Декарта истинным открытием является разложение скорости света на составляющие. В 1627, размышляя над трудами арабского физика Альхазена, Декарт открыл простой закон преломления, который безуспешно разыскивался веками. Он сопоставил его с многочисленными экспериментами и блестяще применил для объяснения радуги.

В VIII главе «Метеоров» описаны опыты Декарта по исследованию образования радуги. Дополненное Ньютоном, объяснение радуги Декартом применимо до сегодня. Эта серия опытов, расчёты и описание — крупнейшая удача Декарта как экспериментатора.

В понимание высшей нервной деятельности Декарт внёс одну бессмертную идею. Она пришла ему в голову во время прогулок по парку, где стояли статуи-автоматы: купальщица, убегающая в грот при появлении чллка, мальчик, окатывающий зрителя водой. . . Обычные механические игрушки XVII века. Впрочем, кроме этих игрушек, идея Декарта опиралась на десятки анатомических вскрытий. Демонстрируя друзьям лично препарированные мышцы и кости, Декарт любил говорить: «Вот моя библиотека». Так в чём же его идея?

Живое тело — всего лишь чрезвычайно сложный механизм. Все его действия совершаются так же, как срабатывание часов или другого др. автомата в зависимости от расположения их гирь и колёс. Не нужно в этом случае предполагать «никакой растительной или чувствительной души, никакой особой причины движения и жизни, кроме крови и её сил, возбуждаемых теплотой». Труп мёртв не потому, что из него вылетела душа, а потому, что телесная машина разрушена, как старые часы.

Жизненная сила. Ощувив, например, жар от огня, распространяясь по нервам, как вода — по трубам содовых автоматов, жизненные силы сообщают мозгу, что руку следует отдёргнуть. Мозг посылает гонцами те же жизненные силы, и рука отдёргивается или отходят ноги. Декарт назвал такие действия рефлексами (лат. Reflexus = отражение); наши поступки — это реакция на внешние события. Декарт описал безусловный рефлекс.

Идея «жизненной силы» давно умерла, идея рефлекса вполне справедлива и актуальна.

В XVII веке в недрах феодально-абсолютистского государства развиваются капиталистические отношения. Передавая мысль постепенно становится идеологическим вращением антифеодальной борьбы третьего сословия. Однако слабость французской буржуазии в ту эпоху накладывала отпечаток компромисса на философские учения даже самых смелых её идеологов.

Первым из них явился прославленный Cartesius, Рене Декарт. Его жизнь и труды освещены в прилагаемой вкладке. Здесь, в тетради, даю лишь самое основное и дополнения по философии и логике.

Rene Descartes родился во дворянской семье, в 1596 году (в деревне «Гаага», La Haye, на реке Крёзе, в Турени). В 1604 он поступил в иезуитскую коллегию Ла-Флеш; по окончании её вёл светский образ жизни в Париже. Дружит с учёным.

Затем он завершил своё образование на юридическом факультете в Пуатье и - поступил на военную службу (1617). Он служил у Морица Нассау в Нидерландах. С 1619 года Декарт в Германии, он участвует в Тридцатилетней войне — на стороне католической Лиги, служит в баварских и имперских войсках.

В 1623 он совершает паломничество в Италию, к Лореттской Богоматери. В маленьком итальянском местечке Лоретто находится и сейчас «дом Богоматери», чудесно перене-

сенный из Святой Земли прямо в провинцию Анкона. До сего дня он является объектом паломничеств.

В 1628 году Декарт оставляет военную службу, а в 1629 году покидает Францию, переезжает в Нидерланды.

В 1637 выходит его знаменитое «Рассуждение о методе» с приложением «Диоптрики», «Метеоров» и «Геометрии».

В 1641 году — «Meditationes de prima philosophia», в 1644 — «Principia philosophiae».

В 1649 он переезжает в Швецию, к мудрой и мужеподобной королеве Христине. Суровый климат северной страны разрушает его здоровье, и 11 февраля 1650 года Декарт умирает в Стокгольме от сильной простуды.

Мышление Декарта отмечено печатью компромисса. Он первым противопоставил абстрактным идеям схоластики свой рациональный метод познания. Никаких неизблемых абсолютных понятий: сначала исследования и опыты, а затем — вывод математических законов. Но он проявил недобросовестность по отношению к собственному гению, озабоченный тем, как спасти свою жизнь и обеспечить себе хлеб насущный, которым он был обязан щедротам сильным мира сего. Кардинал Мазарини (преемник Ришелье) платил ему пенсию в 100 экю.

Декарт явился одним из основоположников всей западноевропейской философии нового времени.

Дуалистическое учение Декарта утвердило принципы материалистического понимания природы, хотя и в механической форме. Вскоре значение имел рационализм Декарта, несмотря на его односторонность и антисексуалистическую направленность. Провозглашая разум единственным судьей в вопросах истины, Декарт порывал с авторитарностью средневекового мирозерцания.

Механический материализм в объяснении природы сочетался у Декарта с идеалистическим пониманием психики, которое легло в основ идеализма нового времени; разрушение схоластики — с обновлением онтологического доказательства бытия Бога; провозглашение суверенитета человеческого разума и разработка рационалистического дедуктивного метода, обобщающего методологию математического естествознания, — с признанием правомерности религиозной веры.

В целом учение Декарта оказало глубокое влияние на европейскую философию XVII в., поставив проблемы, над решением которых работали Спиноза, Гоббс, Лейбниц, Локк.

Декарт обосновал всеилие разума, считая, что критерий истины — в разуме. Чувственные данные нас обманывают, только разумом мы можем постигнуть существующее. Идеал науки рационалисты видели в математике, которую считали «чистой» наукой, независимой от опыта. Декарт считал, что подобно тому, как математик силой ума решает математические задачи, так и философ может постичь истину одной лишь силой ума.

Для Декарта характерна переоценка дедукции и ее роли в процессе познания. Дедукция (от лат. deductio = выведение) — в широком смысле слова такая форма мышления, когда

новая мысль выводится чисто логическим путем (т.е. по законам логики) из предшествующих мыслей. Такая последовательность мыслей называется выводом, а каждый компонент этого вывода является либо ранее доказанной мыслью, либо аксиомой, либо гипотезой. Последняя мысль данного вывода называется заключением (от лат. conclusio). Впервые теория дедукции была обстоятельно разработана Аристотелем.

Декарт считал, что к познанию вещей человек идет двумя путями: путем опыта и путем дедукции. Но опыт часто вводит нас в заблуждение, тогда как дедукция («чистое умозаключение от одной вещи по средствам другой», как он говорил) избавлена от этого недостатка. При этом основным пороком декартовской теории дедукции является то, что исходные положения для дедукции, с точки зрения Декарта, в конечном счете дает индукция (или способность внутреннего созерцания), благодаря которой человек познает истину без участия логической деятельности сознания.

Это в конце концов приводит Декарта к учению о том, что исходные положения дедукции являются очевидными истинами, ибо составляющие их идеи изначально «врождены» нашему разуму.

Врожденные идеи (les idées innées, от лат. innatus = врожденный) — это понятия и положения, которые, согласно представления идеалистической гносеологии, присущи человеческому мышлению изначально и не зависят от опыта. К ним относили аксиомы математики и логики, исходные философские принципы. Представления о врожденных идеях восходят к Платону.

Платон учил, что всякое знание есть припоминание; в латинских переводах — reminiscentia. Всякое знание — это память души о мире идей, которые душа созерцала до своего земного рождения. В каждом человеке (согласно Платону) со дня его рождения заложены истинные знания, которые затем только как бы оживляются под воздействием внешних ситуаций. [Мифологизация психической наследственности].

По мнению Декарта, эти идеи прирождены нашему уму в готовом виде. Таким образом, в своей теории дедукции Декарт изменял аристотелевской логике с Платоновской гносеологией. Дедуктивная форма доказательства покоится на аксиомах, которые постигаются чисто интуитивно, без всякого доказательства. Интуиция, по Декарту, в соединении с дедуктивным методом служит всеобщим критерием полной достоверности. При этом интуицию Декарт ставит выше дедукции: «Под интуицией я разумею не веру в шаткое свидетельство чувств и не обманчивое суждение беспорядочного воображения, но понятие ясного и внимательного ума, порождаемое лишь естественным светом разума и благодаря своей простоте более достоверное, чем сама дедукция. . . »

Процесс познания должен начинаться с сомнения: это гарантирует от ошибок, порождаемых предвзятыми мнениями и привычными понятиями. Единственно, в чем можно не сомневаться, так это в том, что раз имеется акт сомнения, значит происходит процесс мышления. «Я мыслю, следовательно существую».

Только установив собственное существование, человек переходит через посредствующие звенья к заключению о том, что существует и весь окружающий мир. Чувства дают только смутные представления о вещах и вводят нас в заблуждение. Истина познается непосредственно разумом. «Для человека нет иных путей к достоверному познанию истины, кроме отчетливой интуиции и необходимой дедукции» («Правила для руководства ума»). Только в интуиции нет места заблуждению. Опыт не имеет решающего значения и играет подчиненную роль по отношению к разуму.

Декарт превозносит дедукцию. Но исходные принципы познаются только интуитивным путем. Он упоминает и об индукции, но сводит ее к процессу механического собирания, следствий. Правда, Декарт вынужден признать, что только посредством индукции можно создать «всегда прочное и достоверное суждение о вещах, с которыми имеем дело». Но это положение не характерно для его взглядов на умозаключение.

Декарт много сделал для разработки логики и научного метода познания. Ему принадлежит заслуга глубокого исследования: 1) истинно то, что представляется ясным и отчетливым; 2) сложное необходимо расчленять его на частные, простые, проблемы; 3) к неизвестному и недоказанному восходить от известного и доказанного; 4) вести логическое рассуждение последовательно, без пропусков.

Декарт противопоставлял свою рационалистическую дедукцию богословскому догматизму схоластов. Этот метод строился для борьбы за изучение реальной природы.

Но в силу своего дуализма Декарт тщательно сохраняет Господа Бога и даже вносит свой «оригинальный вклад» в теологию. Он обновляет знаменитое онтологическое доказательство бытия Божия.

Это доказательство, сформулированное Ансельмом Кентерберийским, представляет собой довольно явный софизм: Бог мыслится как абсолютное совершенное понятие; если отказать этому понятию в таком существенном признаке как «бытие», то понятие перестанет быть совершенным, а поскольку мы все же мыслим его совершенным, то отказывать ему в этом признаке невозможно. [Фактически это рассуждение доказывает существование идеи Бога, а не самого Бога; аргументация отвлекает от подмены понятий]. Онтологическое доказательство было усовершенствовано Декартом (а позже философами школы Лейбница — Вальфа). Декарт прибавил к аргументации Ансельма довод о том, что мы не можем представить себе идею Бога без представления о его реальном существовании. [Верно! Я не могу представить. Но это не доказывает бытия Бога].

Кроме того Декарт отстаивал историческое (или психологическое) доказательство бытия Бога. Оно исходит из факта «всеобщей распространённости» идеи Бога. Утверждается, что все народы знают религию и её основную идею-Бога. Далее постулируется, что наше сознание несовершенно и ограничено; из этого делается вывод, что таким сознанием идея Все-совершенного Существа не могла быть порождена; следовательно, она порождена Богом.

Субстанция (лат. substantio = сущность)-объективная реальность, рассматриваемая со стороны её внутреннего единства, безотносительно по всем бесконечным видоизменениям, в ко-

торых и через к-рые она в действит-сти сущ-вует, материя в аспекте единства всех форм её движения; неизменная первооснова всего сущего.

Первоначально субстанция понималась грубо-физикально, как «вещество». Как тот же тождественный материал, из которого состоят различные вещи; поэтому средневековое мышление допускало множество различных субстанций-неизменных и не обратимых друг в друга начал («субстанциальных качеств», «субстанциальных форм»). В этом смысле термин субстанция широко использовался, напр., в алхимии.

Схоластич. философия, к-рая приписывала активную роль «форме», в конце концов превратила субстанцию в один из титулов Бога, толкуемого как форма всех форм, и таким образом спиритуализирует это понятие. Отсюда возникает различение двух субстанций-духовной и телесной, чреватое массой рационально неразрешимых противоречий, безвыходным дуализмом души и тела.

Определённые попытки снять этот дуализм (признание двух субстанций) делаются уже в Средние века, начиная от Фомы Аквинского, толкующего «телесную субстанцию» как несамостоятельное начало и тем самым по сущ-ву отнимающего у неё определение субстанции, и кончая Дунсом Скоттом, склоняющимся к толкованию материи как всеобщей субстанции всех вещей и даже к гипотезе о способности этой материи мыслить.

Пантеисты (Николай Кузанский, Бруно) считали субстанцией Бога, отождествляемого с природой.

К началу нового времени противопоставление материи и духа как двух субстанциальных начал стало фактически центральной проблемой философии; через понятие субстанции отыскивалось определение «последних оснований всего сущего». Декарт исходил из традиционного определения субстанции: «Разумея субстанцию, мы можем разуместь лишь вещь, к-рая сущ-вует так, что не нуждается для своего сущ-вования ни в чём, кроме самой себя». В результате он оказывается перед трудной проблемой, в тисках между основными принципами теологии и естествознания. Ибо, исходя из приведённого определения, «таков, собственно говоря, один только Бог», но в то же время «легче даже постичь субстанцию протяжённую и субстанцию мыслящую, нежели просто субстанцию, оставив в стороне вопрос о том, мыслит ли она и имеет ли протяжение, ибо есть нек-рая трудность в отграничении понятия субстанции от понятий мышления и протяжения: они отличаются от субстанции лишь тем, что мы иногда рассматриваем мысль или протяжение, не размышляя о самой мыслящей или протяжённой вещи».

Декарт рассматривает «мышление» и «протяжённость» как две субстанции, ничего общего между собой не имеющие. Фактически он принимает две субстанции (материальную и идеальную) как совершенно равнозначные, что противоречит самому понятию субстанции.

Атрибут (лат. *Attributum*)-неотъемлемое свойство, без к-рого предмет не может ни сущ-вать, ни мыслиться. Аристотель называл атрибутами необходимые свойства вещей и отличал их от акциденций (случайных, преходящих, несущественных свойств). Декарт рассмат-

ривал атрибуты как основные свойства субстанции. В качестве атрибута телесной субстанции у Декарта выступает протяжённость, атрибут духовной субстанции — мышление. [Материализм учит, что движение есть атрибут материи.]

Проблема человека

В отличие от средневековой антропологии, укороченной в трансцендентном, в эпоху возрождения намечается новый подход к человеку, связанный с пониманием человека исходя из него самого.

Ренессансный гуманизм проникнут пафосом автономии человека, его безграничных творческих возможностей (Нико дела Мирандола, Фичино, Бруно). Пико дела Мирандола в своём сочинении «*Oratio de hominis dignitate*» (Napoli, 1487) рассматривает человека как единственное существо, обладающего способностью к произвольному развитию и свободному формированию своего бытия. Старое представление о срединном положении человека (между духовным и природным) трактуется этим чудесным гением Пико таким образом, что сама «срединность» оказывается специфически преимуществом человека, в том числе и перед миром духов (напр., ангелов): последние определены изначально в вечности, и только человек обладает свободой самоопределения.

Понимание человека как живой целостности, характерное для возрождения; было отеснено на задний план картезианством и продолжено позднее Гердером, романтиками, Фейербахом, а также философией жизни.

Представление Декарта о мышлении как единственно достоверном свидетельстве человеческого существования легло в основу новоевропейского рационализма, который именно в разуме, мышлении усматривает специфическую особенность, сущность человека (в зоологической классификации Линнея человек определяется как *Animal rationale*, *Homo sapiens*). С этим связан этический постулат господства разума над страстями, как, например в учении об аффектах Декарта и Спинозы. В таком господстве и усматривается свобода человека.

Картезианский дуализм души и тела, вытекающий из учения о существовании двух противоположенных субстанций — мыслящей и протяженной, надолго определил постановку антропологической проблематики: взаимодействие в человеке делимого, протяженного тела и неделимой, бессмертной души стало одним из главных вопросов в дальнейшем движении философской мысли. При этом тело рассматривалось как автомат, машина, общая у человека с животными (по Декарту, животное души не имеет), а душа отождествлялась с сознанием (Спиноза считал аффекты лишь «смутными представлениями»). К физике и физиологии Декарта восходит также натуралистическая антропология механистического материализма: монистическая концепция человека как материально существа, которое можно определить законами механики и которое в принципе не имеет существенного отличия от животных (Гоббс, франц. Материализм XVIII вв.).

Вениамин Франклин определяет человека как *a tool making animal* («животное, производящее орудия»).

К врожденным идеям Декарт относил идею Бога, протяженности и др.

В математике он создал аналитическую геометрию, ввел буквенные обозначения, понятие переменной величины, систему координат. В физике сформулировал закон сохранения движения. Им же впервые описан механизм безусловного рефлекса, выдвинута идея естественного развития солнечной системы.

Natura abhorret vacuum — природа не терпит пустоты (картезианское положение, заимствованное в философии перипатетиков).

«Славный и первый из новых философов Картезий осмелился Аристотелеву философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу» (Ломоносов).

38. Гассенди

Во Франции той же эпохи можно выделить философское направление, связанное со стремлением осмыслить естественнонаучный материал в традициях атомизма, в том числе античного. Крупнейшим представителем этой линии был Гассенди.

Аббат Пьер Гассенди (abbe Pierre Gassend, di Gassendi, 1592–1655) — философ-материалист, физик и астроном, но вместе с тем священник и профессор богословия в нескольких университетах. Он родился в Champtercier (Нижние Альпы). В Париже он стал самым знаменитым и блестящим из вольнодумцев XVII века; прославился своими яростными атаками против Аристотеля. Был вынужден оставить кафедру и-за происков иезуитов.

Гассенди выступил с резкой критично схоластики, искаженного ею учения Аристотеля и учения Декарта о врожденных идеях; он возродил материализм Эпикура, основывая на нем свое учение. Изучению и пропаганде Эпикура Аббат Гассенди посвятил многие годы своей жизни.

В основном труде «Свод философии» (опубл. 1658) Гассенди разделил философию на три части: 1) логику, в которой дается анализ проблемы достоверности познания и критикуются скептицизм и догматизм; 2) физику, в которой, обосновывая атомистическую теорию, Гассенди доказывал объективность, несотворимость и неуничтожимость пространства и времени; 3) этику, где Гассенди выступал против аскетической церковной морали и вслед за Эпикуром утверждал, что всякое удовольствие есть благо само по себе, а всякая добродетель есть благо постольку, поскольку она доставляет «безмятежность».

Итак, он противопоставил атомизм Эпикура картезианской физике и философии, а эпикурейскую этику — христианскому аскетизму.

Аббату Гассенди принадлежит множество важных наблюдений и открытий в области астрономии (о прохождении Меркурия по солнечному диску, открытие пяти спутников Юпитера помимо четырех ранее известных и т.д.) и труды по истории науки. Гассенди, как и Мерсенн, друг Декарта, занимался измерением скорости звука.

Гассенди — яркая личность и передовой человек эпохи. Однако материализм его был непоследовательным, что сказывалось в своем (недекартовской) компромиссе с религией и церковью. Отвергая картезианство и перипатетику (христианизированный аристоте-

лизм), Гассенди считал, что атомистика Эпикура может составить философское основание христианству. Он объявил Бога творцом атомов. Он считал, что кроме материалистически понимаемой «животной души» у человека имеется еще сверхчувственная «разумная душа».

В политике Гассенди был сторонником неограниченной монархии, что было исторически прогрессивно в эпоху Фронды.

Его пропаганда Эпикура способствовала развитию материализма и вольномыслия во Франции. Критикуя с материалистических позиций учение Декарта о духовной субстанции, Гассенди много сделал для восстановления в правах не только натурфилософии, но и этики Эпикура, которую он, однако, пытался примирить с христианством.

Его ученик Сирано де Бержерак выступил уже как последовательный материалист и атеист. У Ламат-Левайе и Сент-Эвремона¹. Пропаганда эпикурейской этики (нередко воспринимавшаяся в среде разлагающейся аристократии как вульгарный гедонизм) сочеталась со скептицизмом в отношении религии. С эпикуреизмом связаны также идеи замечательных французских писателей Ларишофуко и Лабрюйера.

Гассенди принадлежит к древней традиции эвдемонизма — этического направления, наиболее полно проявившегося в античном мире (Демокрит, Сократ, Аристотель) и считающего основным мотивом человеческого поведение стремление к счастью. Сам термин «эвдемонизм» происходит от греч. Eudaimonia — счастье, блаженство.

Предпосылкой античного эвдемонизма является сократовская идея внутренней свободы, достигаемой благодаря самосознанию личности и ее независимости от внешнего мира. Хотя эвдемонизм возник одновременно и в тесной связи с гедонизмом, они в известном смысле противостояли друг другу: счастье есть не просто длительное и гармоничное удовольствие (Аристотель), а результат преодоления влечение к чувственным наслаждениям путем самоограничения, упражнения, аскезы, отрешения от привязанностей к внешнему миру и его благам; этим достигается свобода от внешней необходимости и превратностей судьбы; это разумность, тождественная подлинной добродетели.

Киники выставляют в качестве жизненного принципа борьбу со страстями, поработавшими человека. Антисфен отождествляет стремление к удовольствиям с сумасшествием: счастье не зависит от чего-либо внешнего (богатства, славы, образа жизни); для блаженства достаточно добродетели. Диоген говорит: «Только благодаря неразумию становишься ты несчастным». Он же: «Судьбе противопоставляю я мужество, условности — природу, страсти — разум». Блаженство притекает не от владения вещами, а от преодоления в себе влечения к ним. [По преданию, Диоген восхитился ребенком, который пил воду из ладони, и тотчас выбросил черепок, служивший ему посудой.]

Стоики еще конкретнее описывают эту внутреннюю свободу, характеризуя ее как радостную покорность судьбе. Основатель стоицизма Зенон обосновал жизненный принцип апатии —

¹Francois La Mothe Le Voyer (1588–1672) — писатель и философ, член Франц. академии, представитель скептицизма.

Charles de Saint-Evremond (1616–1703) — известный писатель, caractere spirituel et frondeur; после дерзкого памфлета, разоблачающего нравы двора, был вынужден бежать в Лондон. Автор комедии «Academistes», литературных и исторических эссе; прославлен как блестящий светский вольнодумец (libertin).

свободы от ложных, тщетных страстей; принцип, включаемый в более широкую установку «жить в согласии с природой». Таким обр., в античном эвдемонизме прослеживается внутренняя дилемма : 1) счастье выставляется как естественное предназначение чел-ка, вытекающее из его единства с природой; 2) счастье есть преодоление непосредственной трудности обыденных страстей и аффектов.

В новое время идеал внутр. свободы развивали многие философы, в особенности Спиноза, к-рый с исключительной остротой поставил антитезу разумного познания и чувственных страстей и выдвинул чисто интеллектуальное понимание блаженства (amor Dei intellectualis): «... Именно познание вызывает любовь... В этом ... единственно состоит наше блаженство.»

Аналогичные мотивы обнаруживаются у Гассенди : «... Достаточное условие узаконенного абсолютного блага человека — это покой тела и духа». Блаженство зависит от умения довольствоваться тем, что есть. «... Даже подвергнутый ужасной пытке, мудрец остается счастливым». [Это не его мысль, это опять тот древний философ, к-рый напевает и посвистывает в фаларийском быке!] Гассенди уже не противопоставляет счастье удовольствиям, понимая их как умение наслаждаться тем, что дано в силу внешних обстоятельств.

39. Короткая интермедия: Английская революция

23 августа 1628 года был убит Бёкингом. 10 марта 1629 король Карл I распустил парламент и 11 лет правил без него. В делах светского управления всё решал Томас Вентворт, он же граф Страфффорд, фаворит короля, а в церковных Вильям Лод, архиепископ Кентерберийский. Произвольные поборы силой взымались с несогласных; католические тенденции Карла I и жестокие преследования пуритан всё более возбуждали английский народ.

Попытка короля заставить пресвитериан Шотландии принять новую, сочиненную под руководством Лода литургию (1637) вызвало резкое противодействие. Вожди противников новой литургии заключили в 1638 году ковенант — соглашение для защиты пресвитерианской религии; к ковенанту примкнул весь шотландский народ. Ковенантеры взяли за оружие. В 1639 началась война. В 1640 королю пришлось созвать парламент.

Его прозвали «Коротким парламентом», т.к. он был распущен после того, как на требование денег для борьбы против шотландцев ответил заявлением жалоб и недовольства англичан. 20 августа 1640 шотландцы вторглись в Англию и оттеснили армию короля с её позиций на реке Тайн.

Карл созвал в Йорк одних только пэров, но самые влиятельные из них посоветовали королю вновь созвать полный парламент. Купили перемирие у шотландцев, и 3 ноября 1640 собрался «Долгий парламент», где было значительное большинство врагов абсолютизма. В палате общин были заявлены бесчисл. жалобы на правительство, министров, чиновников; для расследования избирались комиссии. Напуганный решит. действиями парламента, Карл подтвердил закон о созыве парламента каждые три года, предал своего фаворита Страфффорда,

допустив его осуждение и казнь (12 мая 1641), санкционировал отмену Звёздной Палаты и «корабельных денег». Были удовлетворены все требования шотландцев. Лода посадили в Тауэр.

В октябре 1641 вспыхнуло кровавое восстание в Ирландии против англ. господства. В ноябре 1641 парламент принял и опубликовал «великую ремонстрацию», содержащую более 200 жалоб на управление Карла I и требовавшую полной реформы госуд. строя.

4 января 1642 король предпринял попытку арестовать вождей оппозиции; после провала попытки двор оставил Лондон. Парламент сосредоточил в своих руках всю законодательную власть и собрал для своей защиты значительное войско. После отклонения королём «предложений» парламента, лишивших власть монарха всякого значения, в августе 1642 началась гражданская война.

Армией «кавалеров» (роялистов) командовал храбрый немец — пфальцграф Фупрехт; армией «круглоголовых» (сторонников парламента) — граф Эссекс. В 1642–1643 «кавалеры» одерживали победы, но положение изменилось, когда армия парламента начала демократизироваться, а в парламенте, под влиянием народа Лондона, получила перевес радикальная партия. Умеренные члены (83 лорда и 175 коммонеров) уехали к королю в Оксфорд.

Парламенту удалось привлечь на свою сторону шотландцев, но главной ударной силой парлам. армии стала конница, которую сформировал из фермеров-индепендентов депутат палаты общин Оливер Кромвель, провинциальный дворянин, один из пуританских лидеров, проявивший блестящие военные способности.

2 июля 1644 в болотистой местности Мардстон-Мур близ Йорка кавалеры впервые были разбиты круглоголовыми.

В это время нарастают противоречия между пресвитерианами, составляющими большинство в парламенте, и более радикальными индепендентами; виднейшим представителем последних был Кромвель. В 1645 ему удалось провести закон, в силу которого пресвитерианские лорды (Эссекс, Манчестер и др.) были удалены из армии. Главнокомандующим парлам. войск стал Томас Ферфакс, а Кромвель остался начальником кавалерии. Армия была реорганизована по указаниям Кромвеля; в ней царил боевой индепендентский дух. 14 июня 1645 при Нэйзби (Naseby) армия парламента во главе с Ферфаксом и Кромвелем одержала блестящую победу, которая определила исход «первой гражданской войны». В 1645 на Тауэр-Хилле был обезглавлен ненавистный Вильям Лод. Парламентские войска, впереди которых шли покрытые славой «Ironsides» («железнобокие») Кромвеля, заняли почти всю Англию. В 1646, несмотря на отчаянную защиту, Ферфакс взял Оксфорд; Карл I бежал в лагерь шотландцев и отдался под их защиту (ведь Стюарты — шотландский род). Война кончилась. (1646).

Поскольку он однако упорствовал в нежелании подписать ковенант, шотландцы продали его парламенту Англии за 400 000 фунтов ст.

Пресвитерианское большинство в парламенте, чтобы избавиться от давления индепендентов, преобладавших в армии, решило отправить часть её в Ирландию, а остальные вой-

ска распустить. Армия восстала, захватила (в июне 1647) короля в уединённом замке, где его скрывал парламент, в августе 1647 двинулась на Лондон и заставила парламент исключить из своего лона 11 пресвитерианских вождей.

Но Кромвель в своих интересах дал королю бежать на о-в Уайт, где Карл I находился в его личном распоряжении. Парламент вёл переговоры с королём, к-рый упрямо не хотел сделать уступок, ограничивавших его прерогативу. 6 декабря 1647, опираясь на армию, Кромвель произвёл переворот: по его приказу полковник Прайд военной силой изгнал из парламента пресвитериан (Pride's Purge). Оставшейся «охвостье» («Rump — parliament») полностью подчинилось воле Кромвеля.

Он прервал переговоры с королём, и в янв. 1648 по инициативе Кромвеля парламент избрал новую исполнительную комиссию, где самым влиятельным членом был сам Кромвель. Король снова обратился за помощью к шотландцам, началась «вторая гражданская война». Кромвель неумолимо подавлял монархические восстания в Уэльсе и в Шотландии; Карл I был привезён с Уайта в Лондон. В январе 1649 парламент обвинил короля в государственной измене. Палата общин избрала the High Court; в состав суда входил и генерал-лейтенант Кромвель.

Суд заседал в Вестминстер-Холле и продолжался несколько дней. Он признал Карла I виновным в преступлениях, исчисленных в обвинительном акте, объявил его «тираном, предателем, убийцей и публичным врагом добрых людей нации» и приговорил к смертной казни «by severing his head from his body».

Через три дня, 30 января 1649, низложенный король был обезглавлен перед своим замком Уайтхолл в Лондоне. Европа была потрясена.

Монархия и Палата Лордов были упразднены парламентом, и в мае 1649 года Англия была провозглашена республикой (the Commonwealth).

Кромвель, признанный вождь индипендентской республики, отличался огромной энергией и решительностью. Его деловитая набожность лучше всего выразилась в его знаменитом изречении: «Pray to Heaven, and keep your powder dry!»

Он сурово расправился с демократич. движением левеллеров и диггеров, с ужасающей жестокостью подавил восстание в Ирландии, разбил шотландцев, выступивших на стороне молодого Карла II, прибывшего из Франции, одержал ещё несколько побед внутри страны и 20 апреля 1653 разогнал остатки Долгого парламента посредством своих мушкетёров.

Свою неограниченную диктатуру он не сумел толком оформить: просто высшие офицеры армии провозгласили новую конституцию (the Instrument of Government), к-рая передавала верховную власть лорду-протектору. Кромвель был избран лордом-протектором пожизненно. Так в конце 1653 был открыто установлен протекторат Кромвеля.

Новый парламент собрался 3 сентября 1654; когда он затеял пересмотр конституции, Кромвель 22 января 1655 распустил его и ввёл строгое военное управление. Диктатура железной рукой утвердила в стране спокойствие; торговля и промышленность процветали. Однако Кромвелю, вождю «нового дворянства» и буржуазии, приходилось непрерыв-

но бороться против крайних республиканцев, уравнилелей (левеллеров) и бедного народа, недовольного тем, что плоды революции пожинаяются без него.

Парламент 1656, из к-рого лорд-протектор сразу же вывел военной силой 100 оппозиционных депутатов, рабски вотировал нужные Кромвелю ассигнования и 31 марта 1657 предложил ему корону.

Кромвель долго колебался. Однако республиканские настроения армии вынудили его отказаться (8 мая 1657); он ограничился изменением конституции — усилил свою власть и добавил себе право самому назначить своего преемника.

Его внешняя политика привела к блестящим результатам (особенно важна была победа над Голландией в 1654, ряд морских побед над Испанией). Английский флаг господствовал на всех морях.

В 1658, на вершине славы и могущества, лорд-протектор назначил своим преемником Ричарда Кромвеля (своего сына). Вскоре после этого Оливер Кромвель умер (3 сент. 1658).

Армия не признала Ричарда Кромвеля, и 25 мая 1659 он сложил с себя звание протектора. Народ испытывал усталость и равнодушие; агенты Карла II нащёптывали, что реставрация династии Стюартов принесёт мир. В конце 1659 республиканский генерал Моик, сговорившись с Карлом II, ввел расположенные в Шотландии войска в Англию, в феврале 1660 вошёл в Лондон, а уже 29 мая 1660 король Карл II вступил в свою столицу, к-рой пообещал прощение обид. Так безболезненно совершилась Реставрация Стюартов.

40. Гоббс

Thomas Hobbes (1588 — 1679) — английский философ-материалист, идеолог крупной буржуазии в эру Английской революции. Один из основоположников механистического материализма.

Гоббс — страстный борец против схоластики и суеверий; он заявлял, что религия — это суеверие, утвержденное государственной властью. Учение Гоббса — это философское обобщение методов и воззрений естествознания того времени, в котором ведущими науками были механика и математика. Гоббс явился продолжателем Фрэнсиса Бэкона. К. Маркс назвал Гоббса «систематиком бэконовского материализма», но отметим, что Гоббс «уничтожил теистические предрассудки бэконовского материализма».

Во время революции Гоббс эмигрировал в Париж, где и написал свои главные произведения: «Философские элементы учения о гражданине» (1642) и «Левифан» (1651). В 1652 году философ вернулся в Англию.

Как указал Маркс, у Гоббса материализм становится односторонним. «Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность геометра. Физическое движение приносится в жертву механическому или математическому движению; геометрия провозглашается главной наукой»¹.

¹ «Святое семейство», Маркс и Энгельс. Соч. Т. 2. С. 143.

Мир, по Гоббсу, — это совокупность тел, подчиненных законам механического движения. К движениям и усилиям Гоббс сводит также духовную жизнь человека и животных. Они суть сложные механизмы, всецело определяемые воздействиями извне. Отсюда Гоббс выводит: 1) отрицание существования души как особых субстанций;

2) признание материальных тел как единой субстанции;

3) утверждение, что вера в Бога есть только плод воображения.

Гоббс категорически отвергал существование нематериальных субстанций: все «духи» или «бестелесные субстанции», являются продуктом человеческого воображения. С материалистических позиций Гоббс выступал против средневекового «реализма» (учения о том, что понятия имеют объективное существование и предшествуют вещам). Критикуя схоластов, Гоббс заявляет: «Эти люди серьезно уверяют, что сверх Петра и Павла и всех остальных людей, которые существуют, существовали или будут существовать в мире, есть еще нечто другое, что мы называем «человек», или «человек вообще»». Гоббс решительно утверждает, что единственно реальным являются материальные тела, существующие вне человека, а представления и понятия являются лишь их отражением в человеческом сознании.

В теории познания Гоббс в основном сенсуалист, но он не развил принципа происхождения знаний и идей из мира чувств.

Гоббс отрицал объективный характер качественного многообразия природы, считая его свойством человеческих восприятий, в основе которых лежат механические различия вещей. В гносеологии он критиковал теорию «врожденных идей» Декарта. Выводя все идеи из ощущений, Гоббс развил учение о переработке идей сравнением, сочетанием и разделением. Он утверждал, что опыт (знание единичных фактов) дает лишь вероятные истины о связях вещей, но все же признавал возможность достоверного общего знания, обусловленного языком, т.е. способностью имен становиться знаками общих идей.

Взгляды Гоббса изложены главным образом в книгах: «Элементы законов естественных и политических» (1640), «Основы философии» в трех частях («О теле», 1655; «О человеке», 1658; «О гражданине», 1642) и «Левиафан, или о сущности, форме и власти государства духовного и гражданского» (1651 и 1668). Этот знаменитейший из трактатов Гоббса вызвал многочисленные нападки, сыпавшиеся с разных сторон и в разных формах, даже в сатирических стихах; Гоббс неумоимо отражал эти нападки. Гоббс переводил «Илиаду» и «Одиссею», пытался изложить в назидание потомству свою жизнь, написал диалог о причинах и ходе гражданской войны («Behemoth. A history of the Civil Wars of England»), наконец, разрабатывал математику.

Гоббс стремился к полному устранению влияния богословия на науку. Он высмеивал религиозные мифы и догматы как несовместимые с научным миропониманием, отстаивал идею материальности души. Он пришёлся ко времени.

Бокль в своей «Истории цивилизации в Англии» пишет: «После реставрации церковь, хотя и была восстановлена в своём прежнем леске, но видимо утратила своё прежнее могу-

щество. К тому же новый король, по легкомыслию скорее, чем по какому-либо разумному побуждению, презирал споры теологов и смотрел на религиозные вопросы, как ему казалось, с философским равнодушием. Придворные следовали его примеру...»

«Бёкингом и Галифакс¹, люди, может быть, наиболее знакомые с Карлом II, оба объявили, что он был деистом.. Его последующее обращение к католицизму совершенно уподобляется усиленной набожности Людовика XIV в последние годы его жизни. В обоих случаях суеверие было естественным убежищем для изжившегося и уже ничем не удовлетворяемого развратника, к-рый истощил все средства самых низких и грязных наслаждений».

«Из любви к порочной свободе действий» (Бокль) Карл II видел духовенство, часто выражал к нему презрение. В 1667 король даже на заседании Тайного Совета высказывался против епископов и говорил, что духовенство «думает только об одном — как бы получить доходное место и держать хороший стол». Король был недоволен англиканской иерархией, при нём никогда не было епископов; он издевался над ними в беседах с близкими людьми; лучшие друзья короля писали грубые сатиры на духовенство.

«Самым опасным противником духовенства в XVII веке был, конечно, Гоббс. <...> Этот глубокий мыслитель издал неск-ко рассуждений, весьма неблагоприятных для церкви. . . » Гоббса ненавидело духовенство — и католическое, и протестантское. Побывав в Лондоне, француз Сорбьер написал в своём «Путешествии в Англию»: «Я не знаю, как это так случилось, но духовенство боится его, равно как и оксфордские математики и их приверженцы; по этому поводу его величество изволил сделать прекрасное сравнение, сказав мне, что он [Гоббс] — как медведь, которого они дразнят собаками, чтобы узнать, что он будет делать».

Духовенство объявило учение Гоббса в высшей степени зловерным. Его обвиняли в желании ниспровергнуть религию народа и испортить его нравственность. Даже в начале XVIII в. сомневающимся в авторитете церкви называли «гоббистами».

Карл II ещё до восшествия на престол проникся нек-рыми идеями Гоббса. После реставрации король оказывал философу уважение, к-рое находили возмутительными; он защищал Гоббса (кисти Купера) в своём кабинете в Уайтхолле и даже назначил пенсию этому грознейшему противнику церковной иерархии.

Почему Карл II так защищал престарелого материалиста и врага церкви? Для понимания этого нужно углубиться в Гоббсову теорию государства и права.

В своих «Элементах права естественного и гражданского» (1642) Гоббс писал: «Несомненно, что война была естественным состоянием человека, пока не образовалось общество, и притом не просто война, а война против всех (bellum omnium contra omnes).» Это же

¹Сэр Джордж Сэвиль, маркиз Halifax (1630–1695) — видный придворный и госуд. деятель, возведенный Карлом II в пэрское достоинство.

Джордж Виллерс, герцог Бёкингем (1627–1688) — последний из главной линии рода Виллерсов. С 1648 сражался в рядах роялистов, в 1651 бежал во Францию, затем вернулся в Англию и жил в поместьях своего тестя лорда Ферфакса, до 1658, когда по приказу Кромвеля его заключили в Тауэр. Карл II вернул ему поместья и герцогский титул. В 1669 году Бёкингем был членом ненавистного кабинета министров, прозванного Cabal и ушедшего в отставку под сильным нажимом парламента (1674).

выражение встречается и в «Левиафане». Гоббс не верит в миф о «добром дикаре». По его мнению, в естественном состоянии царят беспредельный эгоизм и злоба, война против всех; спасение только в образовании государства.

Гоббс отверг теории божественного установления общества и защищал теорию общественного договора, которая зародилась ещё в древности (софисты, Сократ, Эпикур). Государство возникло в результате не вмешательства Бога, а общественного договора как организации для ограничения «войны против всех» и для охраны жизни, порядка и частной собственности. Его взгляды на государство полнее всего отразились в знаменитом трактате «Левиафан», 1651 год.

Левиафан в Библии (книга Иова) назван крокодил или вообще какое-то страшное морское чудовище. Левиафан — это также небесный дракон, производящий затмение Солнца и Луны. По талмудическим сказаниям левиафан — это исполинская рыба, от которой будут вкушать праведники в раю и которая при этом никогда не уменьшится.

Имя Левиафана стало в языках Европы синонимом колоссального чудовища. У Гоббса это слово символически обозначает государство. Оно как бы поглощает входящих в его состав индивидов и подчиняет себе их волю: поэтому государство олицетворяется Гоббсом в виде Левиафана.

Гоббс заимствовал у Плавта изречение: «*Nomi homini lupus est*». Считая, что в естественном состоянии человек человеку волк, и тем самым распространяя представление о современном ему обществе на всю историю, Гоббс считал, что власть государства должна быть абсолютной. Подданные должны быть рабами абсолютного государства. Лучшей формой государства Гоббс назвал абсолютную монархию, но в многочисленных разъяснениях и оговорках давал, в сущности, место революционным принципам.

Его идея — не монархический принцип власти как таковой, а неограниченный характер государственной власти. Эта идея вполне устраивала и лорда-протектора. Следует помнить, что Гоббс писал «Левиафана» во Франции, в разгар Фронды, когда гражданская война и последующие кровавые смуты ещё не затихли в Англии. Абсолютизм во Франции, военная диктатура в Англии были насущной реальностью утра. Гоббс обобщил политическую перспективу момента.

Если впоследствии Гоббса упрекали в желании оправдать произвол Карла II, то ранние враги философа (например, Кларендон) с большим основанием подозревали сочувствие автора «Левиафана» к диктатуре Кромвеля. Впрочем, Гоббс ни у кого не заискивал, работал уединённо, довольствуясь немногим.

«Царство мрака» — тот раздел книги, где он бичует католичество и папскую власть, виновницу затмения умов, и логически приходит к необходимости единой государственной религии, подчинения церкви государству и возложения на главу государства двойственной, церковно-политической власти. Иными словами, он приходит к оправданию стремлений так называемой High-Church (англиканской церкви, сохранившей власть епископа и свя-

щенника, церковные таинства и т.п.). Будучи атеистом, Гоббс считал религию и церковь полезными для государства в качестве «социальной узды».

По Гоббсу, государство должно устанавливать контроль над религией и церковью как средством подчинения масс властям. Идею вечности религии Гоббс отвергал и считал, что религия возникла в ходе исторического развития общества как порождение страха и обмана людей. Он признавал, что на протяжении всей истории человечества религия использовалась как узда для масс. Гоббс находил естественным сохранять этот порядок и впредь. Вместе с тем он выступал против теократических посягательств церкви и против использования религии духовенством для обогащения за счёт верующих.

В причудливой и мощной книге «Левиафан» нашли мрачно-внушительное выражение главнейшие принципы философии Гоббса: его сенсуализм в теории познания, материализм в онтологии, утилитаризм в этике, идея деспотизма в политической сфере. Эти принципы автор «Левиафана» развивал с большой логической силой и убедительностью.

В XVIII веке высокую оценку получили такие идеи и оригинальные догадки Гоббса: теория передачи воли и власти отдельными индивидуумами правителю путём общественного договора, идея постепенности формирования государства, идея первоначального равенства людей, понимание труда как основы народного богатства и т.д.

Основные элементы, составляющие государство, Гоббс сравнивает с детальми машины. Уже в XVIII веке из сравнения Гоббса родилось выражение «государственная машина»; в Германии им часто пользовался Гердер.

Логика Гоббса. В логике он был сторонником номиналистического учения древнегреческих стоиков, у которых в предмет логики, наряду с понятиями, суждениями и умозаключениями, входили слова и предложения (т.е. грамматика). Ранние стоики были сенсуалистами и номиналистами: душа ребёнка — это чистая таблица; мире вещей нет общего, оно имеется только в человеческом уме; ощущение, по Зенону, есть «отпечаток», который оставляют в душе реальные вещи, воздействуя на органы чувств; данные, полученные в ощущении, обрабатываются разумом, который есть как бы эманация мирового Логоса. Логика Стои — это логика высказываний. Им принадлежит заслуга разработки первой теории импликации.

Гоббс говорил, что мышление — это связывание и разъединение имён. Складывать и вычитать можно не только величины и тела, но и понятия (имена), отношения, предложения и слова. Сложение двух имён (понятий) даёт, по Гоббсу, суждение; сложении двух суждений — силлогизм; а сложение нескольких силлогизмом образует доказательство.

Логика определялась Гоббсом как наука о путях и методах отличения лжи от истины. Поскольку мышление — это соединение и разъединение имён (знаков), центральное место в логике он отводил теории знаков. Имена Гоббс делил на положительные и отрицательные, на единичные и общие, простые и сложные, на односмысленные и многосмысленные, первичные и вторичные. Определить понятие — это значит зафиксировать значение имени в отграничить его от всех других значений; определение — это суждение, предикат которого расчленяет субъект, когда это возможно, и разъясняет его, когда расчленение невозможно.

Суждение Гоббс определял как словесное выражение из двух имён, соединённых связкой. Суждения он делил на положительные и отрицательные, общие, частные и неопределённые, на необходимые и случайные, категорические и условные. Особое внимание в процессе мышления Гоббс уделял условным суждениям. Он полагал, что надёжнее умозаключать при помощи условных суждений, чем посредством категорических.

В основу теории умозаключения Гоббс положил учение о силлогизме. Он принимал только три фигуры категорического силлогизма. Доказательством он называл ряд силлогизмов, которые построены на определении понятий (имён) и доведены до последнего заключения (вывода).

В своей книге «Левиафан» Гоббс превосходил в общей форме идею логического исчисления современной математической логики. Всё мышление, по Гоббсу, — это исчисление имён, так, сложное имя образуется как сложение простых имён: «тело» + «одушевлённое» + «разумное» = человек. Логическая операция ограничения понятия — это сложение имён («небесное тело» + «светящее отражённым светом» = «планета»). Логическая операция обобщения понятия — это вычитание имён: обобщать какое-либо понятие — это значит отнять от признаков исходного понятия все признаки, присущие только предметам, составляющим объём исследуемого понятия. Например, обобщить понятие «планета» — значит включить объём этого понятия в объём понятия «небесное тело», а для этого надо из понятия «планета» исключить 1) то, что планета движется вокруг какой-нибудь звезды, и 2) то, что она светит отражённым светом.

Гоббс дал набросок классификации знаков; как и Локк, он внёс свою лепту в развившуюся впоследствии семиотику.¹

В логику Гоббс включал три закона мышления. Закон тождества интерпретировался им как принцип строгой определённости употребляемых в рассуждении имён. Законы противоречия и исключённого третьего истолковывались им как требования не соединять взаимоисключающие друг друга имена.

Критерием истины Гоббс считал свет разума. Ограниченность его учения сказалась и в делении качеств на первичные и вторичные. Гоббс критиковал учение о сущ-вовании понятий до вещей и вне вещей. Но, сумев выйти за границы сенсуализма, Гоббс, по словам Маркса, не развил происхождения суждений и понятий из мира чувств.

Гоббс неоднократно подчёркивал необходимость для всех людей знания законов логики. Он не разделял отрицательного отношения к силлогизму, к-рое было характерно для Бэкона.

41. Казуистика

Лат. casus = случай. «Casus conscientiae» (случай совести) — трудность в поведении, принятии решения у христианина, в которой церковь даёт дозволение или налагает запрет в соответствии с точными обстоятельствами факта.

¹ Вообще предшественником семиотики до Пирса — Уильям Оккам, Гоббс, Локк и Лейбниц.

Отсюда термины «казуист» (теолог, посвятивший себя решению случаев совести) и «казуистика» (часть теологии, которая трактует о случаях совести, *des cas de conscience*). В XVII веке, когда контрреформация пошла на ряд уступок этического характера ради сохранения в лоне церкви зараженных гедонизмом правящих классов, казуистика получила большое развитие. Особенно тонкими и subtilными казуистами были иезуиты.

В частности широкую известность снискал Фома Санчес (Sanchez, 1550–1610), родом из Кордовы, иезуит. В своих размышлениях он касался самых сложных и интимных вопросов человеческой жизни. Санчес ломал голову над такими проблемами: позволительно ли думать о другой женщине при совокуплении с собственной женой? Испустила ли Дева семя при совокуплении со Св. Духом?

Иезуиты усиленно размышляли над всякими греховными случаями (казусами), над способами искупления разных грехов. Самым знаменитым казуистом был иезуит Эскобар — Antonio Escobar y Mendoza (1589–1669) родом из Валья долида. Он доказывал, что чистота намерения (*puritas intentiae*) оправдывает поступки, осуждаемые законами и моралью. В обиходе эта доктрина суммируется афоризмом: «цель оправдывает средства». Паскаль с живостью атаковал эту доктрину в своих «*Provinciales*» и вообще заклеил в этом памфлете снисходительность (*indulgence*) испанских казуистов, по подробнее о Паскале я скажу в IV-й части моего свода.

В ордене иезуитов разрешалось клятвопреступление, если, давая клятву вслух, иезуит про себя делал мысленную оговорку (*reservation mentalis*) противоположного смысла. Таким образом, грехом оказывается нарушение искренне данной клятвы, но нет греха нарушить клятву, которая с самого начала мыслилась клянущимися как ложная. *Reservatio mentalis* — типичный приём казуистики, когда невысказанными оговорками ликвидируется прямое обстоятельство. В философском обиходе термином «*reservation mentalis*» называют попытку скрыть истинную мысль.

[«Мы видим отсюда, как «хитро», «коварно» и «умно» вёл себя этот открытый атеист (Эпикур Р. Н.) по отношению к миру, прямо нападая на его религию к своим спекуляциям, а скоптики пользовались своим понятием «видимости» как предлогом для сопровождения всех своих суждений *reservation mentalis*» — Маркс и Энгельс, «Немецкая идеология».]

42. Пиетизм

Пиетизм (лат. *Pietas* = благочестие) — в общем значении направление в религии, ставящее религиозное чувство выше религиозных учений. Под пиетизмом обычно понимают показное благочестие, религиозное ханжество.

В специальном значении пиетизм — антиинтеллектуалистическое течение в лютеранстве, зародившееся в Германии XVII века в обстановке феодальной реакции и ею использованное в XVIII веке в борьбе против идей Просвещения.

Основателем этого течения был франкфуртский богослов Шпенер, выступивший с проповедью своих идей в 1670. В 1694 пиетисты открыли свой университет в Halle, ставший центром пиетизма. Они объявили греховными театр, танцы, игры, народные костюмы, даже смех и шутки, требовали непрерывного покаяния, травили учёных и философов. Ими был изгнан из Галле философ Вольф, ученик Лейбница; прусскому королю было внушено, что отрицание Вольфом свободы воли оправдывает дезертирство прусских солдат.

43. О жизни иных миров

Джон Милтон (1608–1674), величайших после Шекспира поэт Англии, начал свой путь лирическими поэмами. Затем он посвятил свое перо Революции, стал секретарем Кромвеля и писал только политические трактаты по-латыни, в частности в защиту свободы печати и по вопросам реформы обучения.

Уже в эпоху реставрации Стюартов, будучи слепым, Милтон продиктовал свои великие эпические поэмы, составленные в белых стихах. Особенную славу снискала поэма «Потерянный Рай». В ней есть такие строки:

А если Земля, посылающая свет в прозрачную даль
Луне, своей подруге,
Покажется звездой, светящей днем ей так,
Как она ей ночью? Если и там есть страны,
Поля и люди?...
Быть может, когда-нибудь откроют другие Солнца,
С их Лунами...
Быть может, на каждом из этих тел небесных
Есть какие-то живые творения?
Чтобы столь бескрайних просторов природы
Не населяла ни одна живая душа,
Чтобы пустыни были и созданы лишь
Затем, чтоб светить, чтоб каждая звезда
Едва различимый свет посылала
Далёкой, обитаемой Земле, которая
Другим его возвращает — в том усомниться можно.

Вопрос о разумной жизни вне Земли ставили еще Демокрит, Лукреций и Плутарх. За множественность обитаемых миров твёрдо верил Джордано Бруно. В XVII веке этого мнения придерживался голландский физик Христиано Гюйгенс, а в XIX веке — физик, астроном и «король математиков» Карл Фридрих Гаусс.

44. Английские физики

Robert Boyle (1627 – 1691) – родился в Ирландии; знаменитый английский физик, химик и философ. Он открыл роль кислорода в процессе горения, дал первое научное определение химического элемента и пытался ввести в химию идеи механистической атомистики; открыл один из газовых законов («закон Бойля-Мариотта»). Разрабатывал качественный химический анализ. — Философские взгляды Бойля представляют собой соединение элементов механического материализма с теологией. Сэр Роберт Бойль — аристократ.

Robert Hooke (1635 – 1703) — родился на острове Уайт. Английский естествоиспытатель, физик и математик. В 1660 году открыл закон, устанавливающий зависимость между упругим напряжением и деформацией тела, вызываемой этим напряжением («закон Гука»). Изобрел октант, усовершенствовал микроскоп, барометр, зеркальный телескоп, сконструировал ряд других приборов. Выступал против теории флогистона.

Роберт Гук был ассистентом Бойля.

Родословная работа, или История о соперничестве фантазии с техникой*

Р. Г. Назиров

Что-то физики в почёте,
Что-то лирики в загоне.
Дело не в простом расчёте,
Дело в мировом законе.
(Б. Слуцкий)

Подлинно или мнимо сегодняшнее отстаивание художественного познания мира от бурного развития науки и техники? Хотелось бы знать, как с этим обстояло дело раньше. Особый интерес, как мне кажется, представляет история соперничества и взаимного влияния художественной фантазии, с одной стороны, и научно-технической эволюции — с другой, если рассматривать эти отношения на каком-либо конкретном примере : заманчиво прочесть одну прямую линию через века, с древности до наших дней. Почему бы не выбрать родословную работа? Итак. . .

Глава 1. Фантазия и мастерство древних

Был у древних греков миф о царе Миносе, который властвовал на славном острове Крите. Когда в самом начале нашего века английский археолог Артур Джон Эванс открыл блестящую цивилизацию догреческого Крита (III-II тысячелетие до нашей эры), он назвал её минойской цивилизацией. На Крите существовало сильное государство восточного типа во главе с царём-жрецом, от которого остались изумительные архитектурные памятники, купольные гробницы, необычайные по красоте фрески. Та великая древнегреческая культура, которой мы столь многим обязаны, имела своим непосредственным истоком минойскую культуру. Древние греки сохранили множество сказаний о критском царстве и о царе Миносе.

Согласно греческому мифу, Зевс подарил Миносу для охраны Крита медного великана по имени Талос. Внутри он был полный, и медное тело было наполнено кровью. Трижды в день Талос обходил весь Крит и отгонял приближающихся чужеземцев, бросая в них камни. Если же кто-нибудь всё же высаживался на критский берег, Талос прыгал в огонь,

*Публикация выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 16-14-02008.

накалялся и губил пришельцев в своих объятиях (память о человеческих жертвоприношениях). Единственным уязвимым местом Талоса была пятка, где было отверстие, заткнутое гвоздём.

Когда на Крит прибыл «Агро» со своей драгоценной добычей — золотым руном, прекрасная волшебница Медея, оставившая родную Колхиду ради могучего Ясона, усыпила Талоса своим пением, а потом вынула гвоздь из его пяты: кровь вытекла из медного гиганта, и он умер. Так сказать, превратился в груды металлолома.

Греки даже выбивали на монетах изображение Талоса — крылатого богатыря, бросающего камни. Возможно, в мифе отразилась какая-то реальность исчезнувшей цивилизации. Миф о Миносе и жившем в критском лабиринте Минотавре, по мнению многих учёных, связан с человеческими жертвоприношениями. Возможно, и миф о Талосе частично отражает это же явление. Но миф обращён не только в прошлое, но и в будущее. Если вдуматься, Талос и есть первый робот, созданный человеческим воображением. Могут сказать: сказка, мало ли чего в сказках болтают! Да, сказка, но сказка подаёт идею, а идея — это уже сила. В греческом мифе возникла идея механического слуги и стражника, идея механизма, заменяющего человека в каких-то трудных работах. В широком смысле это относится к любой машине. Но машина, объединяющая несколько функций и способная к относительно самостоятельному принятию решений, — это и есть робот, которому мечтатели всегда придавали человекообразную форму.

Учёные древности приняли эту сказку всерьёз и пытались осуществить поданную ею идею. Именно они начали разработку разного рода автоматов и достигли, очевидно, немалых успехов, которые однако оставили крайне слабый след в истории, ибо по тогдашнему способу производства не имели и не могли иметь непосредственного практического значения. Так, знаменитый математик-пифагореец Архит Тарентский / IV век до н. э./, тот самый, который выкупил из рабства философа Платона после его первого путешествия в Сицилию, работал над созданием летательных машин. По рассказам античных авторов он соорудил летающего деревянного голубя. По другим рассказам, в Афинах существовали ходячие статуи, изготовление которых приписывалось великому искуснику Дедалу, отцу злосчастного Икара. Но наиболее достоверны сведения о Героне Александрийском.

Он работал в Александрии примерно в I веке до н. э. и опирался на богатый опыт целой школы механиков. Его предшественник Филон оставил описания боевых машин, автоматов, автоматического театра, фонтанов с пьющими животными и поющими птицами. Герон же прославился изобретением «эолипила» — первой действующей паровой машины реактивного принципа, явившейся предшественницей современных реактивных турбин. Это был шар, вращавшийся под действием силы пара, вытекающего из него по искривлённым трубкам. Не менее прославилось другое изобретение Герона, которое обеспечило автоматическое открывание дверей храма при разжигании огня на его жертвеннике (огонь вызвал перегонку воды из шарообразного сосуда в другой сосуд, подвешенный к дверному механизму — ниже уровня пола; сосуд становился тяжелее и приводил в действие механизм). В своей знамени-

той «Пневматике» Герон описал также механический театр марионеток. Словом, ему были известны или им были изобретены машины, отчасти заменяющие труд человека, и механические игрушки, внешне подражающие человеку.

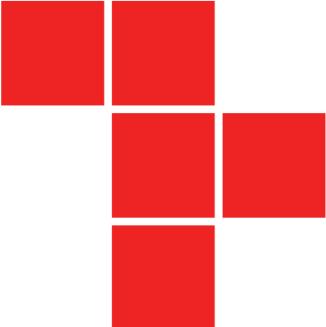
Учёные древнего мира стремились к созданию автоматов, точно копирующих движения человека, так называемых «андроидов». В книгах Герона описано свыше сотни таких автоматов. Почему же греки не совершили промышленную революцию еще в ту далёкую эпоху? Потому что дешёвый труд рабов и низкий уровень производительных сил не стимулировали применение автоматических устройств в материальном производстве. Автоматы остались изумительными игрушками, а устройства вроде невидимого «привратника» в храме породили массу легенд о механических слугах.

Когда античная цивилизация погибла под ударами готов и вандалов, её прямыми наследниками оказались в какой-то мере Византия и арабы. Увлечённые успехами древнегреческой науки, арабы перевели с греческого и сирийского языков самые знаменитые труды греческих ученых, в том числе и трактаты по механике. Механики Багдада и Дамаска создавали автоматы по образцу древнегреческих. При этом арабские искусники не могли строить человекообразных автоматов, так как это был бы страшный грех с точки зрения ислама. Но механические животные создавались ими без препятствий со стороны ишанов и мулл: в сказках «Тысяча и одной ночи» это нашло своё отражение. В одной из таких сказок описывается механический конь, летающий по воздуху; с его помощью герой сказки добывает прекрасную царевну и побеждает врагов. Нам трудно поверить в существование такого летательного аппарата, но этот вымысел отразил реальные успехи арабских механиков в создании автоматических игрушек. Конечно, от практических потребностей это было весьма далеко — зато арабы научились делать часы с колёсами и гириями.

Ни древние греки, ни арабы не создали искусственного помощника человека, но идея овладела умами и начала свою жизнь — и в науке, и в художественной литературе.

Биографический отдел

Из одного письма Белинского: „Я связан с российской публикой страшными узами, как с постылой женой.“

А. Белый: „Милолицая крошка стояла в мехах; и — маютила глазками“ («Маски»).

Первый сольный концерт Шаляпина — 18 декабря 1889 в Дворянской гостиной в Уфе.

Биографический отдел

«Седой профессор говорил о Чехове. . .»

Л. А. Каракуц-Бородина

Башкирский государственный университет

Мне довелось слушать у Ромэна Гафановича Назирова курс истории русской литературы в осенне-зимнем семестре 1993–1994 учебного года и, весной того же года, — курс русской литературной эстетики.

Он оказался одним из двух преподавателей, о ком я узнала еще до поступления на филологический факультет Башкирского государственного университета. Вторым был легендарный Бараг, но если Льва Григорьевича бывалые студентки характеризовали как невероятного чудака, то впереди Назирова бежала его слава женолюба. Старшекурсницы многозначительно закатывали глаза — «Он такой!..»; мне вспоминается даже слышанный в те годы пикантный анекдот с Ромэном Гафановичем в роли искусного любовника — однако никаких свидетельств его похождениям — даже из третьих-пятых рук — никто и никогда так и не получал. Придержаться перед студенткой дверь, подать руку на скользкой зимней лестнице — само собой разумелось всегда. Как и многие, я помню его одобрительные замечания о женской красоте в целом (будь то героиня телесериала или студентка младшего курса), о том, что укорочение юбок с приходом весны — это прекрасно. . . Теперешний жизненный опыт говорит мне, что именно так, несколько демонстративно, ведут себя самые верные мужья, и даже если это неправда — я не хочу об этом знать.

. . . Осенью 1992-го со мной случилось головокружительное: на премьеру в Русский драматический театр меня пригласил недавний филфаковский выпускник, который, в силу гигантской по моим ощущениям четырехлетней разницы в возрасте, обаятельной внешности и наличия модных в то время цветных пиджаков, представлялся мне совершенным небожителем. В театре мы оказались еще и в компании известного теле- и радиоведущего, тогда старшекурсника нашего факультета. Ситуация уже позволяла второкурснице ощутить себя на седьмом небе, однако молодые люди старались усугубить впечатление: «Видишь — сам Рахимов! — шептали мне. — Видишь — Миргазиямов (в 1992 председатель Совета Министров Башкирской АССР — **Л. К.-Б.**)!» А затем едва ли не с бóльшим восторгом было произнесено: «Назирова! Нужно поздороваться!» Помню, каким серьезным, каким уважительным было рукопожатие, и с какой гордостью принимали его от наставника мои спутники, мгновенно утратившие налет пижонства.

Тогда я впервые вблизи увидела лицо этого человека; потом впечатление закрепилось, когда, что было большой редкостью, Назиров оказался без очков, протирая их. Дело в том, что внешне он был весь — контраст, парадокс. Щуплое невысокое тело венчалось огромной гордо посаженной головой; выдающийся ашкеназский нос вступал в противоречие с азиатскими глазами. И, разумеется, все это, вкупе со звучным глубоким голосом, делало его неотразимо привлекательным; я абсолютно уверена, что апокриф о женолюбии Назирова и родился в коллективном сознании влюблявшихся в него студентов разных поколений.

* * *

Лектор он был совершенно артистический. Насколько я понимаю, это было сочетание природного дара Мельпомены и высоких этических принципов педагога, которые и я теперь по мере сил стараюсь воплощать.

Первым принципом, на мой взгляд, следует назвать развлечение. Да-да лектор в назировском исполнении всегда оставался прежде всего развлекателем. Это потом я узнаю, что развлекать слушателя принципиально важно, ведь он в силу самих своих психофизических возможностей очень недолго способен поддерживать пассивное внимание, так что кто не развлекает — тот и не научит.

Отсюда — изящные назировские подводки к очередному разделу курса, каковые разделы почти всегда совпадали с персоналиями писателей. Именно так я на всю жизнь запомнила, например, что у Тургенева был высокий, почти женский голос и что, попав в кораблекрушение, солидный классик суетливо предлагал за собственное, раньше женщин и детей, спасение — деньги.

Сообщив несколько подобных, не самых значительных, но чрезвычайно ярких подробностей из жизни литератора, имя которого не называлось, Ромэн Гафанович поворачивался спиной к аудитории, уходил в глубь — иначе и не скажешь — сцены, держал паузу, затем разворачивался и эффектно объявлял: «Иван Сергеевич Тургенев!»

В качестве второго принципа Назирова-педагога следует назвать высочайшую плотность содержания занятия. Вдохновенно играя, Назиров всегда сохранял трезвость, всегда оставлял спектакль лишь формой лекции, а не ее целью. Первейшим же свойством его курсов всегда оставалась системность. Кроме Назирова только еще один преподаватель — доцент Писарева — показывала нам место каждого явления в русской литературе как грандиозном процессе, встроенном, в свою очередь, в процесс мировой. Особенно ярко это проявилось в назировском спецкурсе по русской литературной эстетике, в котором, судя по регулярным экскурсам к истокам и к сегодняшнему дню русской литературы, которые он совершал, излагая нам историю ее «золотого века», Ромэн Гафанович, видимо осуществил давно желанное. Он строго по пунктам, максимально четко давал самое главное, он все успевал — и при этом никогда ни на секунду не задерживал нас после звонка.

Сегодня, когда уродливая болонско-советская вузовская система требует от нас учета студенческого присутствия и «отработок» nepřисутствия, это кажется мне особенно ясным: повысить посещаемость можно только одним способом — стать интересным своему ученику. Назиров никогда не отмечал присутствующих, не делал замечаний отвлекающимся — просил только не мешать, и однажды между прочим сообщил, что во французских университетах студенты, совершенно не мешая преподавателю, в процессе лекций перекусывают, а в аудиториях, где имеются балконы, на этих самых балконах даже занимаются любовью. Перекусывать на лекциях мы робели, балконов в аудиториях не было, а вот опоздания в эпоху, когда до университета возили лишь легендарная «двойка» (автобус «студенческого» маршрута «Сипайлово — Телецентр») да троллейбус № 7, — опоздания случались, чего уж там. И однажды, скрипнув дверь, когда лекция уже шла, я услышала в устроенной амфитеатром и оттого так подходившей Назирову с его актерским даром аудитории 02 яростное: «Каракуц, я Вас застрелю!»

... Третьим принципом Ромэна Гафановича я бы назвала уважение к студенту, искреннее отношение к нему как к равному.

Мой однокурсник Артем Клименко, ныне известный шоумен, уже тогда много работал и потому на занятиях появлялся редко. Однако, обладая отличными способностями, он очень быстро и эффективно, без дураков, что называется, готовился к сессиям. И было ясно, что он доставил Ромэну Гафановичу искреннее наслаждение, приведя на экзамене мнение — о Чехове, кажется, — Г. А. Бялого, внепрограммную статью которого накануне прочитал — не из подхалимства, скорее случайно. Помню, как Назиров вышел из аудитории, потирая руки от удовольствия: «Этот парень читал Бялого! Конечно, я поставил ему пятерку!»

Он был великодушен, он был щедр, как бывают щедры и великодушны только очень богатые люди.

* * *

С этим моим однокурсником связан еще один маленький эпизод, который и сейчас стоит у меня перед глазами: как-то раз, лишенный перекура некими деканатскими делами, Назиров вошел к нам в аудиторию и попросил минутку подождать, затем, уже с папиросой во рту, легко вскочил на подоконник и рванул фрамугу, а Клименко картинно подыграл ему с театральным жестом: «Ромэн Гафанович, нет! Не надо из окна, мы будем примерными студентами!» Кто-то, занудствуя, сказал в этот момент, что, мол, не надо бы, — вредно. ... Курить, разумеется, ему было совершенно нельзя, но это так шло ему, составляло такую органичную часть всего его облика. Назиров курил перед входом в главный корпус, курил со студентами на «курительной» лестнице, причем, не в силах дотерпеть несколько шагов до нее, закуривал еще в коридоре.

* * *

Я помню его яркие обороты, независимые суждения. «Плачу рубль денег!» — с такой громогласной фразой он эффектно вошел однажды в деканат в поисках конверта. «История о том, как мальчик сделал девочке ребенка и поэтому она стала директором завода» — вот его синопсис фильма «Москва слезам не верит». Его лекции мы слушали в эпоху бразильских сериалов; очередная серия «Дикой Розы», что ли, выпадала, помню, как раз на время начала лекций второй смены, и Р. Г., вместе со всеми задрал голову, смотрел ее по телевизору в холле первого этажа. И после, войдя в аудиторию, сообщил краткое содержание: «Скончалась молодая женщина!..» И, кажется, именно после этого рассказал о единстве категории «вдруг» в позднегреческом романе и мыльной опере.

* * *

Мы знали, что Назиров — один из крупнейших достоевсковедов, мы понимали, что перед нами — явление, но всегда можно было — и так хотелось! — подойти к нему запросто, поговорить, пожать руку. . . Узнав о защите докторской («Давно было пора!» — говорили на факультете, а у меня на корочке тетради под названием предмета так и значилось: «Проф. Р. Г. Назиров»), я подошла поздравить лично. А он вдруг поморщился с досадой и сказал что-то вроде: «Это такая ерунда. . .»

Помню последнюю встречу — после инсульта, со слегка скошенной шеей, разминая в подрагивавших пальцах неизменную папиросу, Р. Г. небрежно сообщил: «Ложусь на операцию». В глазах его я явственно увидела страх, но ведь не мог мой наставник, такой большой и сильный, — бояться. Наверное, я тогда горячо сказала, что все будет хорошо.

Потом мы узнали, что операция не удалась. И на прощании в холле второго этажа вместе с тем же Артемом Клименко считали, сколько профессор Назиров не дожил до семидесяти. Так сложилось, что наши судьбы круто менялись в том году, и даже тогда виделось, а ретроспективно и подавно становится ясно, что то был конец, как бы банально это ни звучало, прекрасной эпохи.

Р. С. Аспиранткой, переживая и итожа то, что позднее показалось малозначительным, а теперь обрело свой окончательно значительный вид, потому что предмет этих переживаний находится в одном с Назировым мире, — я написала следующее.

Седой профессор говорил о Чехове:
«А любит В, В — С, и все несчастливы»,
И называл случайными огрехами
Счастливые концы, весьма нечастые.

Потом профессор величал Булгакова

Певцом любви, какую нужно выстрадать.
И группа от восторга чуть не плакала,
А кое-кто в углу крестился истово.

И под конец он помянул Набокова,
Изящного и редкостно непошлого,
Как самого, возможно, неглубокого
Из всех певцов любви столетья прошлого.

Слова ложились каменными плитами,
И группа завопила очень искренне,
Что лучше быть беспечною Лолитою,
Чем Гумбертом, страдающим и выспренным.

И разговор о непокорном счастье
Вдруг обернулся фразой неизбежной
О том, что легче стать безумным Мастером,
Чем все постигшей душой Маргаритою.

А кто-то с задней парты бросил реплику:
Мол, холодно ли, страшно или пусто ли —
Но проще всех пришлось, конечно, Треплеву:
Он первым понял, как бороться с чувствами.

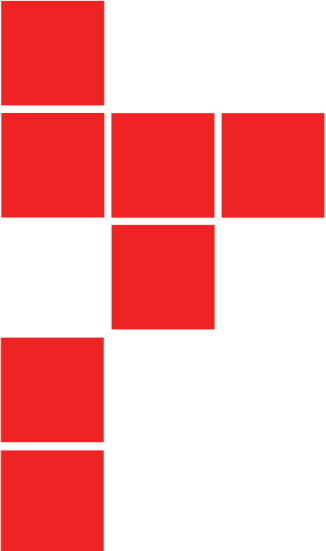
(Поясню: здесь все — вымысел, кроме первой строфы, почти дословно передающей назировские объяснения персонажной структуры чеховских пьес; из Набокова же Р. Г. лишь с удовольствием цитировал, что «настоящая большая литература — феномен языка, а не идей», однако, как я поняла, недолюбливал его за не вполне чистый русский язык: приводил какую-то фразу с некорректным деепричастным оборотом).

Все студенческие годы я членствовала в поэтическом обществе «Тропинка»; в духе Фро-си Бурлаковой, выступала, и к тому времени стихи иссякали; понимание того, что графа Монте-Кристо от поэзии из меня не вышло, было близко — но все же ужасно хотелось показать стихотворение его герою и адресату (там и посвящение было). Помню вердикт: «Недурственно. Но все еще очень по-школярски».

Назировское резюме помогло мне распрощаться с поэзией. И все же мне очень дорого это стихотворение. Оно, взамен утраченных тетрадей с лекциями, — мое личное напоминание о том, к чему довелось прикоснуться.

Исследования

Из русских говоров:
алалыка = картавый, белебля = нуто-
меля, болтуи, брындать (брынды бить) =
= шататься праздно, гундас = гуце, ср.
гундосый = гуцевый; запутыцить = за-
бить, заколотить, кухта = косматый
икей, кабрындать = кадоест, каскутить,
бандастый = долговязый + кеуклюжий;
мхарь = злой тлк, колдун; жигало =
= калёное железо (как оружие легения
от бешенства или пытки; оружие при-
тиганий).

В Киевской Руси „блудницами“ называ-
ли и проституток, и неверных жён. Но разли-
чение было: „блуд“ (проституция) считался
меньшим грехом, чем прелюбодеяние (осквер-
нение ложа).

Баять, байка, Баян, кот = баюн, баю
баюшки, баеня, балясник (?). Обая-
ние. Убаюкивать
Баять = 1) говорить; 2) усыплять; 3) оказывать.

Исследования

Почему мы пока не можем компьютерно распознать рукописный архив Р. Г. Назирова?

А. А. Кондратьева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

1 Введение

Архив Р. Г. Назирова насчитывает сотни дел и десятки тысяч листов. Несмотря на длительную работу над ним, архив не только полностью не оцифрован, но даже не описан. Журнал «Назирковский архив» существует уже 4 года, и в нём пока удалось напечатать малую часть имеющихся в распоряжении публикаторов документов. При таких объёмах рукописного наследия его обнаружение может растянуться на десятилетия.

Самым трудоёмким этапом при публикации рукописи является её набор. Также сложная текстологическая работа по сравнению вариантов при наличии электронной копии может быть автоматизирована благодаря специализированным программам. Но набор манускрипта по-прежнему остаётся главным препятствием на пути ускорения процесса публикации.

В условиях глобальной информатизации и упрощения многих сфер деятельности с помощью компьютерных инструментов логично было бы подыскать возможность для автоматического распознавания рукописей Р. Г. Назирова, их дигитализации и введения в научный оборот. С первого взгляда, эта задача не выглядит невозможной, тем более, что почерк учёного может быть описан как чёткий и крупный, помарок и исправлений в текстах, которые в первую очередь нуждаются в публикации, обычно мало.

Однако на этом пути мы пока что сталкиваемся с трудно преодолимыми сложностями.

Оптическое распознавание символов (optical character recognition, OCR) — конвертация изображений, содержащих текст, в текстовые данные — является одним из наиболее популярных подразделов теории распознавания образов.

Попытки создать систему, которая бы качественно распознавала текст на изображении, начались еще в конце 1920-х годов¹ и продолжают до сих пор. На данный момент существует достаточное количество технологий для распознавания текста, часть из которых представлена как коммерческие продукты (Abbyy FineReader²), часть — находится в откры-

¹<https://history-computer.com/ModernComputer/Basis/OCR.html>

²<https://www.abbyy.com/ru-ru/news/2017/01/abbyy-finereader-14>

том доступе (Tesseract-OCR³, OCR Cuneiform⁴). Стоит отметить, что когда мы говорим «оптическое распознавание символов», мы подразумеваем оффлайн-распознавание, которое направлено на извлечение текста из отсканированного изображения. Онлайн-распознавание, ориентирующееся, в первую очередь, на движения во время написания текста, — это принципиально иная технология: примером программного обеспечения, предназначенного для онлайн-распознавания символов, является, например, Lipi Toolkit⁵.

Возможность качественно распознать текст на изображениях во многом зависит от типа текста. Традиционно выделяют распознавание печатного, т. н. «рукописного печатного» и рукописного курсивного текста: отличие «рукописного печатного» от рукописного курсивного текста заключается в том, что в первом случае подразумеваются печатные буквы, написанные от руки. OCR-системы направлены, в первую очередь, на распознавание печатного текста. Так, точность распознавания латинских печатных символов при условии сравнительно высокого качества изображений, представленных в качестве образцов, может достигать 99 %¹. Качество распознавания «рукописного печатного» текста на данный момент тоже находится на относительно высоком уровне. А вот распознавание рукописного курсивного текста все еще остается задачей, требующей детального исследования. Системы, которые хорошо справляются с этой задачей, существуют, однако их нет в свободном доступе (в качестве примера можно привести уже упомянутую Abbyy FineReader).

Однако многие открытые OCR предполагают возможность обучения их новым языкам и шрифтам, и если перед нами стоит задача оцифровать архив рукописей, принадлежащих одному автору, мы можем попробовать обучить систему распознавать его почерк и оценить, полученные результаты. Этому и будет посвящен дальнейший текст.

2 Обзор существующих подходов к распознаванию рукописного текста

На данный момент предпринято уже достаточно много исследований, посвященных попыткам добиться хороших результатов в распознавании рукописного текста с помощью OCR-систем, находящихся в открытом доступе, в частности, с помощью Tesseract-OCR, подробнее о которой речь пойдет ниже. Так, в одной статье² описывается использование Tesseract-OCR для распознавания латинских символов в рукописных аннотациях. Авто-

³<https://github.com/tesseract-ocr/tesseract>

⁴<https://ru.wikipedia.org/wiki/Cuneiform>

⁵<http://lipitk.sourceforge.net/lipi-toolkit.htm> Подробнее о противопоставлении онлайн- и оффлайн-распознавания текста см. в работе Dalbir, S. K. Singh. Review of Online & Offline Character Recognition // International Journal Of Engineering And Computer Science, ISSN: 2319–7242, Volume 4, Issue 5, May 2015, P.11729–11732.

¹R. Holley. How Good Can It Get? Analysing and Improving OCR Accuracy in Large Scale Historic Newspaper Digitisation Programs // D-Lib Magazine, Volume 15, Number 3/4, 2009. Web: <http://www.dlib.org/dlib/march09/holley/03holley.html>

²S. Rakshit, S. Basu. Development of a multi-user handwriting recognition system using Tesseract open source OCR engine // Proc. International Conference on C3IT, 2009. P. 240–247.

рам удалось добиться точности в 78.39 %. Ещё одна работа³ посвящена попыткам обучить Tesseract распознаванию программного кода, написанного от руки: в некоторых случаях результаты достигали 93–95 %. Этот достаточно успешный результат обеспечивается формализованностью такого специфического жанра текста, как программный код. Последний состоит, главным образом, из фиксированного набора процедур, записывающихся при помощи повторяющегося набора символов.

Такие результаты не могут не обнадеживать, однако стоит отметить, что в большинстве подобных работ, в том числе и в упомянутых нами, алгоритм обучается на искусственно созданной выборке: датасеты состоят из двух частей, одна из которых — набор отдельных символов, используемых в распознаваемом языке, другая — набор отдельных предложений, чаще всего — панграмм наподобие «The quick brown fox jumps over the lazy dog».

Принципиальное отличие работы с архивом Р. Г. Назирова заключается в том, что мы составляем «естественную» тренировочную выборку, материалом для которой служат отсканированные листы рукописей. С этой точки зрения, логично ожидать худших результатов по сравнению с тем, чего уже удалось достичь на другом материале.

3 Распознавание рукописного текста с помощью Tesseract-OCR

3.1 Обзор Tesseract-OCR

Из доступных на сегодняшний день инструментов распознавания текста наиболее перспективной выглядит система Tesseract-OCR. Это свободно распространяемая программа для распознавания текстов, написанная на C++, использующая технологию оптического распознавания символов. С середины 1980-х до середины 1990-х проект курировала компания Hewlett-Packard, но позже он был заброшен и лишь в 2006 году выкуплен Google для дальнейшего развития. Система нацелена прежде всего на распознавание печатного текста.

3.1.1 Схема работы Tesseract-OCR

Принципы работы Tesseract-OCR подробно разбираются в соответствующей работе¹.

Вкратце процесс можно описать следующим образом: программа определяет макет страницы (layout) и группирует очертания текста в объекты (blobs). Далее в объектах выделяются строки, а строки, в свою очередь, разбиваются на слова в зависимости от длины промежутков между ними.

³B. M. Gonzalez. Iris: A Solution for Executing Handwritten Code // Master's thesis, University of Agder, 2012. Web: <https://brage.bibsys.no/xmlui/bitstream/handle/11250/137557/masteroppgave.pdf>

¹R. Smith. An overview of the Tesseract-OCR engine. // Document Analysis and Recognition, 2007. ICDAR 2007. Ninth International Conference on. IEEE, 2007. Vol. 2. P. 629–633.

После этого анализируется, какой тип шрифта был использован для той или иной области текста: моноширинный или пропорциональный (fixed pitch text, proportional text). В первом случае каждый символ имеет фиксированную ширину, а значит, Tesseract способен сразу разбить строку на символы. Во втором случае программа выделяет определенные и неопределенные промежутки (definite spaces, fuzzy spaces) между символами: решение по поводу неопределенных промежутков принимается в самом конце.

Распознавание проходит в два этапа. Сначала алгоритм старается распознать каждое слово по очереди и передает каждую успешную попытку классификатору в качестве обучающей выборки. Классификатор использует эти данные при дальнейшем продвижении по странице и на втором этапе распознавания, когда алгоритм повторно работает с теми словами, которые не получилось распознать в первый раз.

В самом конце Tesseract принимает решение по поводу неопределенных промежутков и проверяет, не являются ли некоторые нераспознанные строчные буквы малыми заглавными (small-cap letters).

3.1.2 Нововведения в Tesseract 4.0

Принципиальным отличием Tesseract 4.0 от предыдущих версий является использование LSTM-сетей для определения макета страницы (layout analysis), а также для выделения границ строк и отдельных слов параллельно со стандартным алгоритмом.

Рекуррентные нейронные сети (РНС), подвидом которых является LSTM (long short-term memory), — тип нейронных сетей, задействующих обратную связь. В отличие от нейросетей прямого распространения, в которых информация передается последовательно от слоя к слою, в рекуррентных нейронных сетях каждый слой нейронов, помимо входных данных, получает некоторую информацию о предыдущем состоянии сети, что делает возможным анализ последовательностей данных.¹

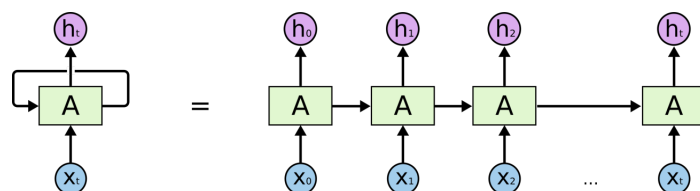

Рис. 1: Схема работы одного слоя нейронов LSTM-сети

Схема работы взята из записи «Understanding LSTM Networks»².

Главной же особенностью и преимуществом LSTM-сетей является умение работать с долгосрочными зависимостями: проще говоря, они, в отличие от обычных РНС, умеют работать с информацией, обработанной много циклов назад. Именно поэтому использование LSTM

¹C. Olah. Understanding LSTM Networks // Web: <http://colah.github.io/posts/2015-08-Understanding-LSTMs/>

²<http://colah.github.io/posts/2015-08-Understanding-LSTMs/>

сейчас является одним из главных трендов как в оффлайн-, так и в онлайн-распознавании рукописного текста³.

Внедрение LSTM-сетей в Tesseract привело к значительному улучшению результатов распознавания. В таблице 1 представлено позаимствованное у разработчиков сравнение результатов распознавания текста на русском языке для стандартной версии OCR (base Tesseract, тестировалась версия 3.04), версии, задействующей LSTM-модели, и версии, использующей LSTM и словарные данные. Одна колонка представляет процент неверно распознанных символов, вторая — неверно распознанных слов. Значения во второй колонке больше, так как вероятность ошибки в слове выше и складывается из вероятности ошибки в каждом из символов, из которых это слово состоит.

Таблица 1: Сравнение результатов распознавания текста на русском языке для разных версий Tesseract-OCR

Версия OCR	Процент ошибки при распознавании отдельного символа	Процент ошибки при распознавании слова
Tesseract	19.06 %	30.83 %
Tesseract + LSTM	4 %	15.34 %
Tesseract + LSTM + словарные данные	4.10 %	14.04 %

Данные для таблицы взяты из репозитория системы Tesseract¹

Как мы видим, падение процента ошибки довольно существенное. Однако эти успешные результаты достигнуты, опять-таки, на материале печатного текста.

3.2 Подготовка обучающей выборки

Несмотря на то, что разработчики Tesseract-OCR давно предоставили предобученные модели не только для английского, но и для ряда других языков, в частности, для русского, их использование для распознавания рукописей Р. Г. Назирова невозможно, т. к. эти модели предназначены для распознавания печатного текста. Эксперименты с последней версией модели для русского языка на отсканированных изображениях из нашего рукописного архива показали не слишком высокие результаты (см. раздел 3.5). Поэтому приоритетной задачей являлось создание своих моделей, натренированных на распознавание почерка Р. Г. Назирова, и самым важным этапом в решении этой задачи стала подготовка обучающей выборки.

³см. A. Graves, J. Schmidhuber. Offline Handwriting Recognition with Multidimensional Recurrent Neural Networks // Advances in Neural Information Processing Systems 21, NIPS, 2008, A. Graves, S. Fernandez, M. Liwicki, H. Bunke, J. Schmidhuber. Unconstrained online handwriting recognition with recurrent neural networks. // J. Platt, D. Koller, Y. Singer, and S. Roweis (eds.) Advances in Neural Information Processing Systems 20. MIT Press, Cambridge, MA, 2008.

¹https://github.com/tesseract-ocr/docs/blob/master/das_tutorial2016/7Building%20a%20Multi-Lingual%20OCR%20Engine.pdf

Часть рукописного архива Р. Г. Назирова, в частности, монография «Становление мифов и их историческая жизнь», оцифрована, что несколько облегчило задачу обучения классификатора. Именно эти данные мы использовали в качестве обучающей выборки.

Подготовка была разбита на следующие шаги:

1. Отбор отсканированных изображений из уже оцифрованной части архива.
2. Подготовка файлов в формате plain-text, содержащих тексты, соответствующие каждому из отобранных изображений.
3. Обработка изображений и создание т. н. «боксов». Под термином «бокс» в этой работе мы подразумеваем текстовый файл в формате box, содержащий все символы, распознанные на изображении, и координаты рамок, определяющих границы символов. Этот файл генерируется Tesseract с помощью команды `batch.nochop makebox`.

Обработка изображения включала в себя следующие этапы:

- бинаризация и настройка порога яркости
- увеличение резкости изображения
- удаление шумов
- конвертация в формат TIFF и переименование файла согласно необходимому формату `lang.font.exp*.tif`, где `lang` — это название языка, `font` — используемый шрифт, `*` — порядковый номер листа (примером корректного имени файла является, например, `rus.Arial.exp1.tif`).

Редактирование изображения осуществлялось с помощью набора консольных утилит Image Magick¹, однако сделать это можно и другими способами: например, вручную с использованием любого растрового редактора изображений (Adobe Photoshop, Gimp). Весь процесс обработки изображений и создания боксов был нами автоматизирован².

4. Ручное редактирование боксов с помощью JTessBoxEditor³. Этот этап являлся самым трудоемким и требовал большой аккуратности, так как именно от качества боксов напрямую зависит последующее качество работы обученного классификатора. В целом, Tesseract достаточно неплохо справляется с задачей выделения границ символов, но объем работы, которую нужно выполнять вручную, все еще достаточно внушителен.
5. Редактирование боксов с помощью скрипта *real_letters.py*⁴. Этот скрипт заменяет символы, распознанные Tesseract, на соответствующие символы из текстового файла, содержащего текст с нужного изображения.

¹<http://www.imagemagick.org/script/index.php>

²см. скрипт *make_box.py* в репозитории https://github.com/deltamachine/rgn_recognition

³<http://vietocr.sourceforge.net/training.html>

⁴см. репозиторий https://github.com/deltamachine/rgn_recognition

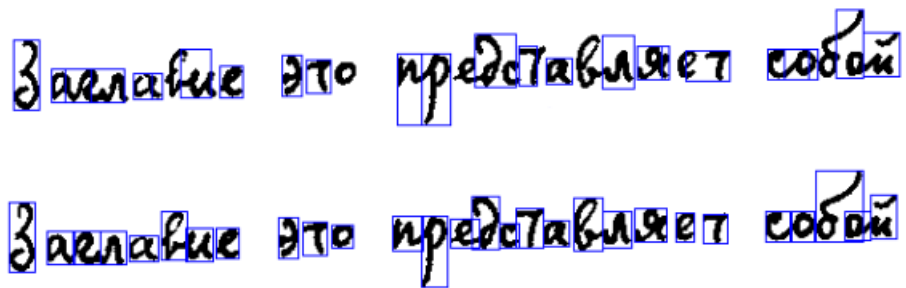

Рис. 2: Сравнение результатов выделения границ символов до ручной редактуры и после

3.2.1 Отличия в Tesseract 4.0

Подготовка обучающей выборки для Tesseract 4.0. практически полностью совпадает с подготовкой выборки для Tesseract 3.05, однако к шагам, описанным выше, добавляется ещё один важный этап: в боксах, помимо строк с координатами распознанных символов, должны присутствовать строки с координатами знаков пробела и табуляции, разграничивающих, соответственно, слова и строки. Так как Tesseract 4.0. направлен на анализ последовательностей символов, важно научить его выделять слова и строки: именно для этой цели мы изменяем боксы.

Р	1038	2285	1060	2318	0	Р	1038	2285	1060	2318	0
.	1057	2281	1070	2296	0	.	1057	2281	1070	2296	0
Г	1080	2287	1115	2318	0	Г	1080	2287	1115	2318	0
.	1098	2285	1115	2299	0	.	1098	2285	1115	2299	0
Н	1130	2286	1151	2319	0	Н	1130	2286	1151	2319	0
а	1153	2288	1171	2305	0	а	1153	2288	1171	2305	0
э	1169	2267	1190	2307	0	э	1169	2267	1190	2307	0
и	1192	2290	1211	2305	0	и	1192	2290	1211	2305	0
р	1212	2269	1230	2309	0	р	1212	2269	1230	2309	0
о	1232	2293	1249	2310	0	о	1232	2293	1249	2310	0
в	1252	2289	1271	2327	0	в	1252	2289	1271	2327	0
							1276	2289	1281	2327	0
							1286	2289	1291	2327	0

Рис. 3: Сравнение боксов, используемых в Tesseract 3.05 и Tesseract 4.0

Редактирование боксов производилось с помощью скрипта *insert_tabs_and_spaces.py*¹.

¹см. репозиторий https://github.com/deltamachine/rgn_recognition

3.3 Обучение Tesseract 3.05

Процесс обучения модели для распознавания текста на том или ином языке (в нашем случае — для распознавания текста, написанного конкретным почерком) в Tesseract 3.05 состоит из нескольких этапов.

Для начала необходимо запустить Tesseract в режиме обучения для каждой пары `.box` — `.tif` с помощью команды `box.train`. Результатом этого станут файлы в формате `.tr`, содержащие признаки каждого символа, имеющегося на тренировочных изображениях.

Далее генерируется файл `unicarset`, содержащий информацию о каждом символе, который Tesseract научился распознавать. Кроме того, необходимо вручную создать файл `font_properties`: это файл в формате `plain-text`, содержащий описание используемых шрифтов.

Следующий этап — кластеризация выделенных признаков и создание прототипов. Символы группируются на основании схожести признаков, после чего для каждой группы выделяется «наиболее типичный» ее представитель — прототип. В результате этого шага создаются файлы `shapetable` и `normproto`.

После этого к данным добавляются словари: несмотря на то, что это не является обязательным шагом, словарные данные помогают улучшить качество распознавания. Информация об использованных словарях представлена в таблице 2:

Таблица 2: Словарные данные, использованные для обучения Tesseract 3.05			
Словарный файл	Формат	Содержание	Способ создания
word_list	plain-text	Словарь распознаваемого языка (в нашем случае — список всех словоупотреблений в монографии «Становление мифов и их историческая жизнь»)	Был создан из файла, содержащего полный текст монографии, с помощью скрипта <code>create_wordlist.py</code>
bigram_list	plain-text	Список всех биграмм, встречающихся в этой же монографии.	Был создан из файла, содержащего полный текст монографии, с помощью программы <code>AntConc</code> ¹ .
punc-dawg	DAWG	Файл, содержащий описание всех возможных вариантов расстановки знаков препинания.	Был взят из готовой модели, обученной на русском языке.
number-dawg	DAWG	Файл, содержащий токены, в состав которых входят цифры.	Был взят из готовой модели, обученной на русском языке.

Файлы в формате `plain-text` конвертируются в формат DAWG (Directed Acyclic Word Graph).

Далее (этот шаг, опять же, необязателен) вручную создается файл `unicharambigs`, содержащий описание неопределенностей, которые могут возникнуть при распознавании символов.

В конце происходит объединение всех подготовленных файлов в одну модель: на выходе мы получаем один файл `rgn.traineddata`, финальную предобученную модель, готовую к использованию для распознавания текста.

Весь процесс обучения Tesseract 3.05 также был нами автоматизирован: см. скрипт `train_tesseract3.py`¹. Кроме того нами была составлена инструкция с подробным описанием каждого этапа тренировки².

3.4 Обучение Tesseract 4.0

На данный момент в открытом доступе находится только альфа-версия Tesseract 4.0. Официальный релиз планируется на вторую половину 2017 года³. В связи с этим настоящий раздел статьи является, скорее, экспериментальной попыткой оценить, на что потенциально будет способен Tesseract 4.0.

В Tesseract 4.0 существует три способа обучения модели:

1. Создание новой предобученной модели с нуля (training from scratch). Для того, чтобы получить хорошие результаты при использовании такого метода, необходимо сравнительно большое количество данных для обучения. Новую модель имеет смысл создавать, если перед исследователем стоит задача распознавания языка, для которого разработчики Tesseract еще не предоставили готового модуля.
2. Тонкая настройка (fine tuning). Этот метод подразумевает обучение готовой модели специфичному шрифту. По утверждению разработчиков, при использовании тонкой настройки не обязательно иметь большую тренировочную выборку для того, чтобы получить сравнительно неплохие результаты.
3. Замена верхних слоёв (replacing top layers). Суть этого способа заключается в замене верхних слоев существующей LSTM-модели на новые и обучении модели на новых данных. Этот способ используется в том случае, когда в новых данных встречаются символы, которых нет в исходной модели. Примером использования этого метода может являться добавление отсутствующей буквы *Æ* в данные, используемые предобученной моделью для норвежского языка⁴.

Мы приняли решение воспользоваться третьим методом, так как в наших данных присутствуют как кириллические, так и латинские символы.

¹https://github.com/deltamachine/rgn_recognition

²см. https://github.com/deltamachine/rgn_recognition/wiki/tesseract_tutorials

³<https://github.com/tesseract-ocr/tesseract/wiki/ReleaseNotes#in-development>

⁴<https://github.com/tesseract-ocr/tesseract/wiki/TrainingTesseract-4.00—Replacing-Top-Layer-Example>

Главной проблемой, с которой мы столкнулись при использовании с Tesseract 4.0, стало то, что эта версия программы пока не предназначена для работы с пользовательскими .box — .tif парами. На данный момент процесс подготовки данных для обучения LSTM-модели выглядит следующим образом: боксы и изображения генерируются Tesseract автоматически при помощи инструмента tesstrain.sh, который получает на вход тренировочный текст, подготовленный пользователем и список предустановленных шрифтов. Далее на основе этих данных создаются .lstmf-файлы, на которых уже и происходит обучение.

Поэтому для «искусственной» генерации нужных файлов из имеющихся .box — .tif пар мы воспользовались модифицированным одним из разработчиков скриптом boxtrain.sh.

На этом этапе перед нами возникла ещё проблема: нам не удалось использовать все имеющиеся данные, т. к. для нескольких пар создание .lstmf-файлов завершилось ошибкой. Выяснить причину этой ошибки пока не удалось: как уже упоминалось ранее, работа над Tesseract 4.0 еще не завершена. Поэтому на этом этапе было использовано лишь 6 листов с данными, в отличие от Tesseract 3.05, натренированного на 10 листах.

Следующим этапом стало непосредственно обучение самой LSTM-модели. За основу была взята предобученная LSTM-сеть из последней версии модуля для русского языка и файл unicharset, сгенерированный в процессе работы с Tesseract 3.05 (см. раздел 4.3).

Само обучение запускается с помощью скрипта, принимающего на вход путь к модели, которую нужно изменить (например, rus.lstm), путь к файлу unicharset, путь к папке, в которой предполагается сохранять новые модели и некоторые дополнительные параметры для обучения. Параметры, использованные нами, представлены в таблице 3:

Таблица 3: Параметры, использованные при обучении Tesseract 4.0		
Параметр	Описание	Значение
append_index	Количество слоёв, которые нужно заменить в исходной модели	5
net_spec	Топология новых слоёв	[Lfx256 O1c105]
learning_rate	Коэффициент скорости обучения	10e-5
max_iterations	Число итераций, после которого обучение автоматически прекращается	20000

После того, как обучение было закончено, старая LSTM-модель в предобученном модуле для русского языка была заменена на новую, а также были добавлены новые словарные данные word-dawg и bigram-dawg — те же, что и для Tesseract 3.05 (см. раздел 3.3).

Как и в случае с Tesseract 3.05, нами был составлен подробный тьюториал для Tesseract 4.0¹.

¹https://github.com/deltamachine/rgn_recognition/wiki/tesseract_tutorials

3.5 Результаты

После обучения обе новые модели, подготовленные нами, были протестированы на фрагментах рукописей Р. Г. Назирова.

Результаты оценивались следующим образом: верно выделенным сегментом мы считали сегмент, в котором число распознанных символов совпадало с реальным числом и хотя бы несколько символов было классифицировано верно. К верно распознанным сегментам мы относили как абсолютно точно распознанные фрагменты, так и случаи, когда одна или несколько букв в слове были ошибочно определены как заглавные (например, «Мало» вместо «мало»). При подсчете процента верно распознанных символов строчная буква, ошибочно распознанная как заглавная (и наоборот), оценивалась как наполовину верно распознанная и прибавляла 0.5 к общей сумме верных ответов, данных классификатором.

Сначала мы попробовали распознать изображение с отдельной строкой и сравнить результаты, которых удалось добиться при использовании новых моделей, с результатами, которые показывают готовые модули, предоставленные разработчиками Tesseract.

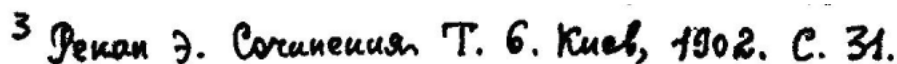

Рис. 4: Фрагмент рукописи Р. Г. Назирова

Таблица 4: Результат распознавания, показанный протестированными моделями

Модель	Результат распознавания
rus 3.05	3 З:...З. шиизма... 'Т. С. Ю' 1902. С. 34.
rgn 3.05	3 Ренаи эк Омсннгнияп !та 67 Киоив, 1902о Ск 31к
rus 4.0	3 Фекои Э. бучанеки&, Т. 6. Кие4, 4902. С. 34.
rgn 4.0	3 Фекои Э. бучанеки&, Т. 6. Кие4, 4902. С. 34.

Таблица 5: Точность распознавания фрагмента для протестированных моделей

Модель	% верно	% верно	% верно
	выделенных сегментов	распознанных сегментов	распознанных символов
rus 3.05	80 %	40 %	40 %
rgn 3.05	80 %	10 %	56.8 %
rus 4.0	100 %	50 %	62.2 %
rgn 4.0	100 %	50 %	62.2 %

Следующим экспериментом стала попытка распознать лист рукописи целиком. На 3.5 и в таблицах 6 и 7 представлены, соответственно, фрагмент этого листа и результаты его распознавания.

Можно сделать следующие выводы:

перестали ей разводить, она давала мало молока. Скотоводство было реаль-
ным „умножением пищи“, но предпосылкой этого планетарного переворота бы-
ла сама постановка цели, ибо агро сознание — целенаправленное

Рис. 5: Фрагмент листа рукописи

Таблица 6: Результат распознавания, показанный протестированными моделями

Модель	Результат распознавания
rus 3.05	ис цГМц & ауди“, за: %.?ауш мало ЖМЖ». СкоТв’о9с1го „Мама „,,, ц ш „ що ищем пищи“, ио р&мпфта‘ этом макс-ирис три./, . 31. м св « мимо!“ ции, и о 4370 служил — цитатами
rgn 3.05	не итаяи Ооево ацооаеб, она ОаэваЛа жаипо Мояомкаво Скотоводство ои«вияоо еаоцоо и м мно ением пищиЗв но Водновылкоав этою ПЛаеторного ПФ;овох, а !во яа са а шоевтановка цеаи, и о Луро и«экиакввяоа— Цеми«оояеёанаи
rus 4.0	уераеТали +4 Ока даЁада Мало молока. СкеТо (обстЁо А{ало©Б реаль- „> умножением паши“) ие р&мпфта‘ Этого планетарного три./, а Д- Ла соби поечакобеа Цели, ибо Аоро сочиаки& — аки.
rgn 4.0	уераеТали +4 бка даЁада ЛМмадлю меолока. СкеТо (обстЁо А{ало©Б реаль- „> умножением пащи’) ие 9к333793 Этого планетарного ,Счтх» а Ла соба поечакобеа Цели, Аоро сочиаки& — 2аки@.

- Модели Tesseract 4.0 значительно лучше справляются с задачей выделения сегментов текста и разбиения их на символы, кроме того, у них заметно больше полностью правильно распознанных сегментов.
- Качество распознавания моделей Tesseract 4.0 и новой модели Tesseract 3.05 более или менее сопоставимо, однако при этом стоит учитывать тот факт, что Tesseract 4.0 обучался на меньшем количестве данных.
- Tesseract 4.0 лучше справляется с задачей отнесения того или иного символа к конкретной строке: модели Tesseract 3.05 игнорируют символ в том случае, если один из его элементов заходит на другую строку («р» в «перестали», «у» в «умножении»), а модели Tesseract 4.0 успешно выделяют и распознают его.
- Классификаторы допускают вполне логичные и ожидаемые ошибки, путая «Р» и «Ф», «к» и «н», «н» и «и», строчные и заглавные буквы.

Таблица 7: Точность распознавания фрагмента для протестированных моделей

Модель	% верно выделенных сегментов	% верно распознанных сегментов	% верно распознанных символов
rus 3.05	28.6 %	7.1 %	20.2 %
rgn 3.05	32.1 %	7.1 %	53.6 %
rus 4.0	71.4 %	28.6 %	51.9 %
rgn 4.0	42.9 %	14.3 %	46.4 %

4 Заключение

Распознавание русского рукописного текста является задачей, которая на данный момент с трудом поддается решению.

Вероятно, нам удалось бы добиться лучших результатов, если бы мы обладали большим количеством данных, но подготовка достаточно крупной тренировочной выборки силами одного человека практически невозможна, даже несмотря на то, что мы частично автоматизировали процесс. Возможным выходом в данной ситуации может стать привлечение к проекту большой группы добровольцев .

Также надежду на возможное достижение высокого процента распознавания почерка Р. Г. Назирова в ближайшем будущем дают результаты, показанные экспериментальными моделями Tesseract 4.0. Несомненно, имеет смысл вернуться к работе с этой версией после официального релиза и попробовать улучшить имеющиеся результаты.

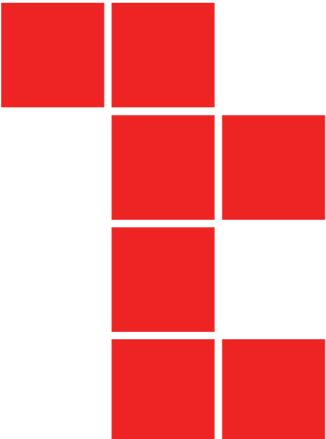
Однако из сказанного должно быть очевидно, что на текущий момент автоматическое распознавание рукописей из архива Р. Г. Назирова с должным качеством невозможно.

Мнение

gauche (франц.) = тлк, внавший в детство.

compromiso storico - так в Италии называли диалог марксистов с христианами.

Бертран Рассел лет до 40 был пуритаником; в тот период и возникли его главные филос. труды. Потом произошла принципиальная перемена интересов, он стал социальным реформатором и великим бабником.

Сенсация 1992 года: один историк "вычислил", что Джек Потрошитель был не один, а два тлка. Это были принц Альберт, внук королевы Виктории, и его любимый тлк профессор Стивен. Причиной зверских преступлений была патологическая ненависть этой гомосексуальной пары к женщинам.

Мнение

Назиров-писатель: внесистемный профессионал или рефлекслирующий дилетант?

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Я уже много лет не занимаюсь литературной критикой. Не только потому что не хочу (а я не хочу), но и потому что не знаю, как правильно. Многие авторитетные и неавторитетные люди вокруг точно знают, кто из писателей пишет хорошо, кого даже упоминать неприлично, какой из романов (сборников новелл, стихов) достоин внимания, а какой можно считать бросовой литературой. Иногда эти мнения совпадают с моими читательскими впечатлениями, иногда не совпадают, откуда эти твёрдые убеждения берутся, мне совершенно не ясно. Научиться этому нельзя, никто из убеждённых в своей правоте рационализировать, объяснить и передать своё знание не способен, знание оказывается совершенно эзотерическим. Максимум, что можно получить — ссылку на соображения вкуса, который у всех оказывается разным. В результате мнения всех тех, кто точно знает, кто из писателей хорош, а кто плох, не только не совпадают с моим, но и не совпадают одно с другим, что часто придаёт ситуации дополнительный окрас абсурдности.

В самом деле, одним нравится Аствацатуров, другие воротят от его прозы нос, кто-то любит Пелевина, а кто-то считает его прозу низкопробной. Все эти множественные миры восприятия кажутся решительно несовместимыми и довольно плохо соотносятся с той убеждённостью, с которой носители соответствующих точек зрения их продуцируют.

Критику как раз обязательно нужно быть убеждённым в справедливости его позиции. Мнение, в котором сам автор не уверен, не продаётся, то есть влияет на востребованность такого критика, причём в худшую сторону. Кроме того, критику всегда нужно не только знать, как надо, но и почему надо именно так. Нужно уметь рационализировать читательские впечатления. А дело это непростое.

Историку литературы несколько проще: ему не нужно подходить к исследуемому предмету с оценочной меркой: в построении общего здания культуры участвуют все, даже авторы, на первый взгляд, третьестепенные. Поэтому их тоже нужно знать, их тоже нужно изучать, и, по слову А. Э. Хаусмена, не раз с чувствительной симпатией вспоминавшемуся М. Л. Гаспаровым, «Если для вас Эсхил дороже Манилия — вы не настоящий филолог».

В случае с прозой Назирова этот разноречивый мнений тоже актуален. В обсуждении (очном и заочном) романа «Звезда и Совесть»¹ никто открыто не признался в том, что считает эту прозу хорошей. Зато были те, на кого она произвела, скорее, негативное впечатление. Однако не попавшие на страницы журнала частные высказывания по этому поводу включают и восторженные мнения. Были и те, кого это произведение поразило.

Как быть в этой ситуации, не вполне понятно. Считать ли Назирова непрочитанным писателем, который, сложись жизнь иначе, мог бы активно публиковаться как литератор и иметь успех? Или он всего лишь неумелый автор, один из тысяч подобных, единственное что — выгодно отличающийся от своих собратьев по несчастью увесистым культурным багажом, превосходным профессиональным видением текста, но при этом — увы — лишённый таланта?

У меня нет на этот вопрос универсального ответа. Универсальный ответ, как я постарался показать выше, имел бы в нашем полипарадигмальном, в высшей степени плюралистичном, мире невысокий статус.

Но у меня есть свой ответ, ответ для самого себя. Для меня проза Назирова — слабая проза. Нарочитость его объяснений выглядит неумелой, а оформление диалогов просто раздражает. Попробую это объяснить.

Так получилось, что я был воспитан на литературе, в которой стиль ценится выше идейности или остроты сюжета. Оттачивающий каждое слово Набоков для меня ближе к прототипическому литератору, чем, скажем, В. Распутин, которому, кажется, важнее что говорится, а не как это говорится. Назиров, вроде бы, тоже ищет незатёртые слова, работает над текстом, вычёркивая, исправляя, по многу раз переписывая свои произведения. Но финальные варианты, то есть такие, которые соответствовали бы и авторскому заданию, и внутренним стандартам качества автора, не вдохновляют.

Во-первых, Назиров всё объясняет, втолковывает, заставляет читателя заметить то, что автору хочется до него донести. На филологическом факультете МГУ учат, что Флобер потому стал Флобером (которого так любил тот же Набоков), что не пишет «Г-же Бавари стало холодно», а пишет «Войдя в кухню, г-жа Бовари подошла к камину»¹. Это называется «психологизм». Искусство с некоторых пор стало проявляться в полунамёках, во взаимодействии с читателем, в предложении последнему включиться в игру, прочесть больше, чем написано.

Назиров не написал бы «Войдя в кухню, г-жа Бовари подошла к камину». Скорее, я ожидал бы что-то вроде «Г-же Бовари стало холодно. Она подошла к камину и набросила на плечи тёплую шаль. «Вы, наверное, замёрзли», — догадался Шарль». У читателя просто нет шансов увернуться, не прочесть то, о чём пишут.

¹Назировский архив. 2016. № 1.

¹На самом деле, «стало холодно» Флобер тоже пишет: «Ворот у Шарля был распахнут, ему стало холодно, и, придя домой, он сел в кухне», но важен принцип.

Это кажется следствием неумелости выражения в прозе. Писателю не хватает художественного языка и он начинает использовать обычный, вместо того, чтобы кодировать сообщение с помощью литературных приёмов, передаёт его на открытом канале.

Кажется, что чем сильнее писатель, тем он менее открыто действует. Например, в книге «Сумеречный дозор» популярного фантаста Александра Лукьяненко вдруг появляется такое подмигивание: «В одном из шкафов появилось множество маленьких фигурок мышей — *стеклянных, оловянных, деревянных*, стояли керамические чаши и лежали стальные ножи. К задней стенке шкафа была прислонена старая брошюра ДОСААФ, на обложке которой было изображено *жюри* оценивающее *парашют*, рядом стояла простенькая литография, на которой зеленела лесная чаща» (выделения мои — Б. О.). Фрагмент этот чисто орнаментальный, сюжетно не нагруженный, автору захотелось поиграть, и он вложил в два предложения скрытые отсылки к правилам русского правописания. Кажется, что самым сильным ходом здесь было бы оставить всё именно в таком, скрытом, виде, рассчитывая на внимательного читателя, который рассмотрит здесь нужные ссылки. Но Лукьяненко, как и Назиров, не может удержаться и проговаривается, хотя и не так открыто, как это порой делает уфимский литературовед: «Почему-то — я не мог понять почему, все это навевало мысли о начальных классах школы». Поэтому (эта цитата, разумеется, не причина, а пример) я считаю, что и Лукьяненко в актуальной литературе автор не первого ряда.

Может показаться, что тут «упрёк» в том, будто Назиров — не Набоков. В таком виде, конечно, претензия звучало бы глупо. В самом деле, что за печаль, что Назиров пишет не так, как Флобер и автор «Лолиты»? Кто-то любит трюфельные конфеты, а кто-то пирожное «Мадлен». Бывают поклонники у Набокова, есть любители прозы Распутина. Только всё-таки Набоков, кажется, не просто один из ряда заметных прозаиков. В данном случае он просто доводит до максимума ту тенденцию, которая всё заметнее и заметнее влияла на художественное слово в течение всего Нового времени. Начиная с XVII века из литературы всё активнее изгоняется очевидность. Нелинейно, непоследовательно, прерывисто, с отступлениями и ретардациями, но путь художественной словесности от Средних веков к новейшей эпохе был именно таков: сначала исчезла прямая аллегоричность. Не сразу, не вся, не насовсем, но, скажем, в русском театре XVIII века во времена Феофана Прокоповича мы ещё можем увидеть на сцене совершенно аллегорические фигуры, а уже к середине века их там не будет. Сначала останутся амплуа, стандартные узнаваемые герои, а затем и они будут встречаться реже. Эпоха готового слова кончилась, высокая литература сбрасывала с себя риторичность, а с ней отказывалась и от реверансов в сторону читателя, от снижения порога для входа в текст, от тезиса, что художественное высказывание должно быть обязательно понятно реципиенту и обязательно с первого раза. В самой риторике или готовом слове нет ничего плохого, это важная часть истории культуры, однако для середины XX века — это очевидное прошлое.

То есть дело не в том, что Назиров пишет не как Набоков, а в том, что он не пишет как *современный умелый* писатель. Впечатление именно такое, что он не изобретает но-

вую форму, не профессионально пользуется старой, а пытается писать современную прозу, но получается у него это неуклюже. Он не знает меры и не может вовремя остановиться в желании донести до читателя своё сообщение. Он забывает о художественном языке и постоянно меняет его на бытовой, не прибегает к приёмам раскрытия психологизма литературы Нового времени, а рассказывает историю так, как рассказывал бы её в условной ситуации застолья.

Во-вторых, Назиров создаёт крайне фальшивые диалоги. Любая из сцен, в которых беседуют герои, звучит натянуто, неестественно, лишена динамики и обнажает искусственность конструкции. Почему так получается? Скорее всего, потому что не удаётся избавиться от ощущения, что говорит там всё время один и тот же человек, и только по недоразумению его реплики как бы приписаны разным персонам. А раз реплики там все исходят от одного субъекта, каждый из участников «диалога» фактически знает, что скажет другой, заранее с ним согласен, а если возражает, то вяло. Назиров пытается расщепить самого себя на несколько типовых персонажей, каждый из которых настолько типичен, что почти карикатурен (как, например, ревнивец Фёдор из «Провинциального часовщика»).

Необъяснимым образом всё, что я здесь назвал в числе недостатков, смотрится органично в одном произведении Ромэна Гафановича — в романе о Пушкине. Видимо, жанр беллетризованной биографии гораздо терпимее относится и к жёсткому контролю читательского внимания, и к типовой прорисовке характеров.

Всё это, конечно, не значит, что проза Назирова недостойна внимания, публикации и изучения. Именно я первым опубликовал непечатавшиеся рассказы Назирова, мне же принадлежит и первая литературоведческая статья о его прозе. Всё это нужно, но для меня — нужно ровно настолько, насколько это важно для постижения всеохватности Назирова-учёного. Проза для этого учёного — часть его интеллектуального универсума. Биографически часть важнейшая, главная для 1950–1960-х годов. Вряд ли возможно хорошее понимание интеллектуального становления Назирова без понимания его художественной концепции и анализа литературной практики. Кроме того, к своему тексту Назиров тоже подходил как литературовед, конструировал сюжеты, рефлексировал по их поводу, и зачастую это не менее показательно для отражения его научных взглядов, чем статьи, написанные на чужом художественном материале. И тем не менее, для меня проза Назирова — дополнение, лишний ключ к его научному творчеству, а не самостоятельный объект.

Так что публиковать и прозу, и — особенно — прилагающиеся к ней авторские маргиналии обязательно нужно. Просто не очень правильно делать это в литературных журналах, отдельными книгами, рассчитывать на читательский успех.

Библиография

Следует начинать с языка писателя: прозрачный у Пушкина, кудрявый у Тоголя и Лескова. Навыки анализа (мелодизм Жуковского, смесь музыки и риторики у Лерм-ва, прозаизм Некрасова).

Сюжет, его элементы Традиционные фабулы Понятия мифа и анекдота, их роль в сюжетосложении.

Композиция: 5 типов композиционных структур (ступенчатая, кольцевая, параллельная, линейная, перевернутая). «Вершинная» композиция у романтиков!

Характеры и типы. Несводимость личности к типу, нестереотипность личности (Д-ский, «Вет. муж»). — Лиричный герой как образец и как данность.

Военитание культуры дискуссии: осуждение, уважение мнений, борьба с фанатизмом и релятивизмом

Библиография

Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова

Тексты Р. Г. Назирова

1. Дневниковые записи Р. Г. Назирова об «Одном дне Ивана Денисовича» // Солженицынские тетради. Материалы и исследования. — Москва: Русский путь, 2015. — С. 176–180. [Публикация, вступительная заметка и примечания А. Р. Зарипова и Е. А. Старухина]

Правила для авторов

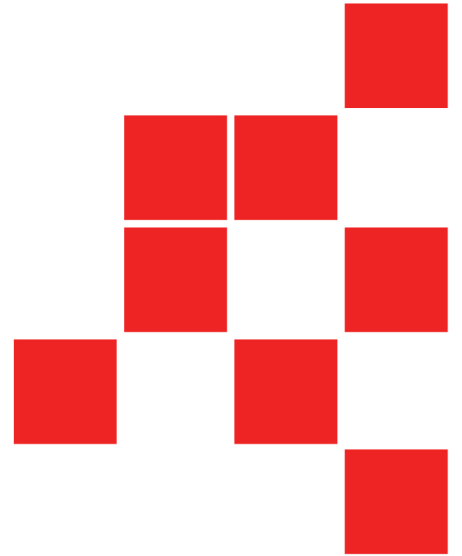
Рукописи в машиночитаемом виде представляются в редакцию по электронной почте nevmenandr@gmail.com. Во избежание недоразумений авторам предварительно следует ознакомиться со статьёй о принципах и целях издания (2013 № 1) до того, как посылать текст на рассмотрение редакции. Непрофильные статьи приняты к публикации не будут.

Ссылки на литературу оформляются в виде постраничных сносок. Фамилия автора цитируемой работы выделяется курсивом. Между названием работы и местом издания, а также между годом издания и страницами тире не ставится.

Вместе с представляемым в редакцию текстом следует прислать и сведения об авторе, включающие фамилию, имя, отчество, аффилиацию.

Вопрос о публикации в журнале будет рассмотрен после внутриредакционного рецензирования.

Публикация в журнале бесплатная.

Офицер Петра I Иван Лихарёв основа
вал на Иртыше Усть-Каменогорск.

Вскоре после женитьбы Чехов потешу-то
стал носить кепку, а не шляпу.

И.И. Левитан — несостоявшийся жених
Марии Павловны, сестры Чехова.

Длинное, узкоплечее пальто, в к-ром Че-
хов ездил на Сахалин. Его узкие ботинки
на пуговицах

Из приказа Петра I: „Кто с приступу
бегал, тому шельмованным быти.... го-
нены сквозь строй и, лица их заплевав,
казнены смертью.“